ЛБ32 — 144

Академия Наук Союза ССР

Б3-744

Академик Е.В.ТАРЛЕ

ЧЕСМЕНСКИЙ БОЙ
И
ПЕРВАЯ РУССКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В АРХИПЕЛАГ

1945

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

1532 144

Академик
Е. В. ТАРЛЕ

ЧЕСМЕНСКИЙ БОЙ
И ПЕРВАЯ РУССКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В АРХИПЕЛАГ

1769—1774

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1945 ЛЕНИНГРАД

5-к 2м

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

825251

Хотя в 1945 году исполняется ровно 175 лет со времени знаменитого морского боя в Архипелаге, но литература, посвященная этому событию, крайне скудна количественно и в большинстве случаев состоит из кратких популяризаций. Между тем, есть и изданные и неизданные материалы об этом событии, которые стоит рассмотреть пристальнее, хотя бы с точки зрения уточнения того места, которое экспедиция в Архипелаг вообще, а Чесменский бой в частности занимают в истории русской внешней политики во времена Екатерины [1].

I

Прежде всего следует заметить, что к 1769 году международная обстановка для России сложилась благоприятно, и Екатерина сумела извлечь из этой дипломатической обстановки максимальную выгоду.

Некоторые современники говорили о русской императрице, что секрет ее вечных успехов — уменье «разыгрывать» одну державу против другой. В данном случае ей удалось «разыграть»

---

[1] Публикуемая работа является главой из подготовляемого к печати моего исследования «Внешняя политика России при Екатерине II». Считаю долгом выразить благодарность за содействие и помощь в моей работе Управлению Военно-морского архива (Центрального государственного архива Военно-Морского Флота — ЦГАВМФ) в Ленинграде, Управлению Архива древних актов в Москве, Дирекции Гос. библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Дирекции Гос. библиотеки им. Ленина, Дирекции библиотеки Академии Наук СССР, Государственной исторической библиотеке в Москве.

и выиграть свою сложную игру на вражде между Англией и Францией.

Угрожающим врагом была Франция, и именно поэтому главную роль в защите русского флота на его опасном пути взяла на себя Англия.

Французское правительство, руководимое Шуазелем, носилось в 1769 и 1770 годах с мыслью выслать большой флот в восточную часть Средиземного моря и потопить эскадру Алексея Орлова. Испания согласна была в этом предприятии всецело помогать своей союзнице Франции.

Но Англия решительно этому воспротивилась. Из двух зол британский кабинет предпочел меньшее. Франция с ее реваншистскими намерениями относительно отвоевания Канады, с ее тенденциями воскресить в Индии агрессивную антибританскую политику Дюплэ казалась англичанам в этот момент опаснее, чем Россия. Да и левантийская торговля была гораздо больше в руках французов, чем в руках англичан. При этом русские вовсе не были торговыми конкурентами Англии ни в Турции, ни в Европе и нигде вообще, а, напротив, очень выгодными для англичан поставщиками превосходного корабельного леса, пеньки, льняной пряжи, смолы и других видов сырья. Французы же, в частности марсельцы, сбывали в Турцию и во все подвластные ей страны при помощи своего громадного торгового флота многие из тех именно товаров, которые хотела бы туда сбывать Англия. Здесь совершенно необходимо напомнить, что Екатерина уже задолго до экспедиции в Архипелаг имела все основания рассчитывать на Англию.

Нечего удивляться тому, что к неприятнейшей для себя неожиданности граф Шувалов получил довольно решительное предупреждение от британского кабинета, что Англия не потерпит франко-испанского нападения на русскую эскадру. Могучую поддержку этой «руссофильской» политике оказывал всегда Вильям Питт Старший (граф Чэтем).

Он очень долго держался плана образования крепко сплоченного союза из России, Пруссии и Англии, направленного против франко-испанского соглашения. Совершенно ошибочное представление укрепилось с легкой руки С. М. Соловьева в русской историографии и даже в учебной литературе, вроде универ-

ситетских курсов, будто «северная система» родилась в голове русского посланника в Копенгагене барона Корфа, а затем эта система понравилась Панину и он «усыновил себе» ее по смерти Корфа [1]. Словом, выходит так, что Россия выдвинула проект такого союза. Это повторяет, с прямой ссылкой на Соловьева, и Н. Д. Чечулин в своей диссертации [2]. Правда, Чечулин оговаривается: «мысль о необходимости обезопасить себя союзами ввиду возможности агрессивных предприятий трех католических держав, связанных между собой договорами... вовсе не есть увлечение или фантазия, какой поддался только Панин; эта же мысль возникала и в Англии, и в Пруссии». Но эта оговорка Чечулина именно и доказывает, что он стоит все же на ложном пути в анализе вопроса о «северной системе». Вопрос об этом союзе Англии, России и Пруссии не только не был «увлечением или фантазией Панина», но вовсе не Панин был тут и инициатором. Эта мысль впервые появилась только в Англии и возникла еще до того, как окончилась Семилетняя война, и как только Шуазель стал усиленно работать над привлечением Австрии к соглашению обоих Бурбонских домов — Франции и Испании.

Граф Чэтем пропагандировал эту мысль еще задолго до воцарения Екатерины, и его огромное влияние не только в Англии, но и во всей Европе было направлено именно на создание северного союза, который мог бы подорвать значение версальского двора. При этом Дания непременно должна была рано или поздно примкнуть к этому союзу трех великих держав: при своем положении на континенте, и особенно при обладании береговой полосой у Скагеррака и Каттегата, Дания должна была играть существеннейшую роль прямой морской связи между Англией, Пруссией и Россией при всяком предприятии этого будущего союза против Швеции, где влияние Франции было так сильно. Что же мудреного, если именно в Дании агитация графа Чэтема и сторонников его программы должна была сказываться особенно сильно и иметь много приверженцев. Союз с

---

[1] С. М. Соловьев. История России, XXVI, стр. 88 (третье издание).

[2] Н. Д. Чечулин. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1899, стр. 181.

Англией, Пруссией и Россией, если бы они приняли в свою среду Данию, мог бы принести маленькой державе очень значительные выгоды, обеспечивая ее от всегда почти враждебных ей ганзейских городов и от Швеции. Немудрено, что эта английская мысль так быстро привилась в Копенгагене и там же проникла в не очень мудрящую голову барона Корфа, который и переправил эту идею в Петербург в качестве собственного открытия: «нельзя ли на севере составить знатный и сильный союз держав против Бурбонского союза?» и т. д. Мы видим, что даже и формулировка у него не русская, а английская: «бурбонский союз». Панин действительно ухватился за эту комбинацию. Но полной реализации этой мысли об англо-русском общем соглашении не произошло именно потому, что в России ухватился за нее больше всего только Никита Иванович, а императрица разглядела в этом «знатном союзе» одновременно с Англией и с Пруссией нечто такое, что сулило России в будущем весьма «знатные» неприятности и опасности.

В самом деле, чего желали граф Чэтем и его парламентские друзья и в 1763, и в 1764, и в 1765, и, наконец, в 1766 гг., когда они развили особенную энергию в работе по реализации этой «северной системы»? О чем хлопотал находившийся под влиянием Чэтема кабинет, особенно лорд Сэндвич, статс-секретарь иностранных дел? Чего домогался лорд Бокингэм, английский посол в Петербурге? И в эти первые годы царствования Екатерины и дальше, в течение всей первой турецкой войны 1768—1774 гг., руководители английской политики, как бы они ни назывались, стремились к одной главной цели, сравнительно с которой все прочие их домогательства являлись второстепенными. Им нужно было втравить поскорее Россию в войну с Францией. За это они даже готовы были подарить России остров Минорку с захваченным ими Порт-Магоном, чтобы дать русскому флоту нужную стоянку на Средиземном море, заманить в это море на постоянное пребывание русский флот и вообще обеспечить прочно и надолго дипломатическую и военную помощь англичанам со стороны Екатерины уже не только против Франции, с которой Екатерина ссорилась из-за польских и турецких дел, но и против Испании, с которой Россия никогда не ссорилась и не имела ни малейших мотивов к ссоре.

Эта установка британской дипломатии сразу же стала ясна императрице,— и посол Бокингэм очень скоро учуял, что «величавая, любезная, умная светская дама» (как ее именовали англичане в дипломатической переписке, когда не хотели называть по имени) поворачивает, куда нужно, важного, сановитого, принципиального, тугого графа Панина без всякого труда и притом с такой быстротой, что нельзя угнаться и во-время обернуться; и уже преемник Бокингэма, новый посол Джордж Макартни, представивший свои аккредитивные грамоты Екатерине в октябре 1764 года, нашел к полному своему неудовольствию, что эта «светская дама» более «умна», чем «любезна», когда разговаривает о политических делах.

Но все-таки вплоть до конца турецкой войны (1768—1774) Екатерина держала себя так, чтобы не лишать британский кабинет надежд на будущее использование «северной системы» в английских, а не только в русских интересах. Слишком для нее драгоценна была в эти критические годы английская помощь.

Здесь не место говорить о тех общих причинах, которые в течение всего XVIII столетия вызывали упорную и активную борьбу французской дипломатии против русской экспансии. Заметим лишь, что, в частности, французские купцы и промышленники смотрели на русское продвижение к Черному морю и на всякие угрозы турецким владениям, как на прямую и серьезную опасность для экономических интересов Франции.

Если взять «нормальный», мирный год между двумя русско-турецкими войнами (1783), то, как считало французское правительство, в среднем все европейские державы ведут с Турцией торговлю (как импортную, так и экспортную) на общую сумму в 110 миллионов ливров в год; из них на долю французской торговли приходится 60 миллионов ливров, а на все остальные страны, вместе взятые, 50 миллионов.

Не только в полной гибели Турции, но даже в утрате ею тех или иных земель, французы во второй половине XVIII века видели огромный для себя экономический вред и подрыв своего политического престижа.

Как давно уже выяснено во французской историографии, внешнюю политику королевства вели две параллельно действующие силы: официальный министр герцог Шуазель и лично

король Людовик XV, действовавший через своего постоянного верного клеврета графа де Бройль.

Эта тайная дипломатия («le secret du roi» — «королевский секрет») иногда действовала в унисон с официальной, а иногда ей перечила и очень путала все расчеты Шуазеля [1]. Но в одном пункте они никогда не расходились: в упорном стремлении на всех путях становиться поперек дороги и всячески мешать Екатерине и в Швеции, и в Польше, и в Турции. Большие экономические интересы связывали французскую торговлю и промышленность с рынками турецкого Леванта, то-есть со всеми странами, омываемыми Черным морем; интересы политические — борьба за влияние на севере и в центре Европы — все это заставляло Францию старого режима энергично бороться против России в Стокгольме и в Варшаве. Но борьба эта велась неумело, растерянно, часто очень необдуманно и бездарно.

Герцог де Бройль, глава «секретной» королевской дипломатии, заставил министра иностранных дел герцога Шуазеля назначить еще в 1762 году резидентом в Варшаву ловкого и пронырливого агента Эннена (Hennin); в Константинополе сидел другой агент «секретной политики» граф де Верженн, в Швецию был отправлен граф де Бретейль, в Гаагу — д'Авренкур, в Петербурге действовал на скромных с внешней стороны ролях консул Россиньоль. Все они дружно и долго интриговали против политики Екатерины, организуя, снабжая деньгами и оружием польских конфедератов в Баре, подкупая направо и налево турецких сановников, подстрекая шведского короля к враждебным выступлениям против России.

Начиная, примерно, с 1767 года министр иностранных дел герцог Шуазель (и до тех пор вполне согласно в этом вопросе действовавший с графом де Бройлем) выступил уже совершенно открыто в качестве инициатора коалиционного нападения на Россию. Он послал генерала Дюмурье с целым штатом офицеров и с оружием на помощь барской конфедерации и очень усилил нажим на Турцию.

Прежде всего, «важно было иметь возможность бросить на

---

[1] Ценнейшие документы об этой тайной дипломатии, взятые из семейного архива графов де Бройль, см. в книге De Broglie. Le secret du roi, t. I—II. Paris, 1879.

тылы России не только Порту, но вместе с тем и прибрежные государства по Дунаю и Черному морю, в то время, как скандинавские государства будут удерживать русских на севере». Так формулирует общую цель французской политики в конце 60-х годов XVIII века панегирист этой политики Анри Дониоль [1].

Французские агенты всегда гордились тем, как им ловко удалось подстрекнуть турок начать агрессивную войну против России в 1768 году. Вот как Эннен, агент, действовавший в Польше, восторгается Верженном, интриговавшим против России в Константинополе: «Доверие Дивана не изменилось, и Верженн, когда ему было дано разрешение ввести турок в игру (mettre les turcs en jeu), в войну, для которой подали повод польские дела,— выполнил полученные им приказы, не компрометируя себя, не беря на себя ручательства за события, которые оказались такими, как он их предвидел» [2].

Другими словами, французская дипломатия толкала турок на войну против России, предвидя с самого начала, что из этого ничего для Турции хорошего не выйдет; важно было лишь помочь каким угодно способом Польше. Но и это тоже не удалось. Итак, турки были «введены в игру».

Не только сама Екатерина, но даже враждебные России государства признавали, что, бесспорно, в 1768 году Турция мало того, что формально первая объявила войну и напала на Россию, но и на самом деле всячески провоцировала эту войну и решительно стремилась к открытию военных действий. А французский министр герцог Шуазель не стесняясь хвалился тем, что так ловко подстрекнул турок к началу военных действий. Французы действовали совершенно открыто, так же как польские конфедераты, ведшие в тот момент войну против России. А Пруссия и Австрия, также содействуя по мере сил скорейшему нападению турок на Россию, придерживались гораздо более прикровенного образа действий. Словом, турок обнадеживали со всех сторон. Субсидий на войну турки, впрочем, в

---

[1] H. Doniol. Politiques d'autrefois: le comte de Vergennes et P. M. Hennin. 1749—1787. Paris, 1898, p. 22—23.

[2] Найденная Анри Дониолем рукопись Эннена о Верженне опубликована впервые Дониолем в книге «Le comte de Vergennes et P. M. Hennin».

сколько-нибудь стоящем упоминания размере не получили, но зато великий визирь и рейс-эффенди (министр иностранных дел) были осыпаны подарками со стороны версальского двора. Даже и от польских конфедератов им перепадало, хотя шедшие оттуда деньги, к живому прискорбию константинопольских сановников, в значительном проценте застревали по дороге в карманах передатчиков.

25 ноября 1768 года русского посла Алексея Михайловича Обрезкова с главным персоналом посольства (11 человек) позвали к великому визирю, и тут Обрезкову был объявлен ультиматум: Россия должна, во-первых, немедленно вывести свои войска из Польши и сбязаться не вмешиваться в польские дела, т. е. в борьбу за уравнение прав православных с католиками. Мотивировалось это требование тем, что русско-польская война, происходящая на границах Турецкой империи, привела к разграблению казаками пограничных турецких городов: Балты и Дубоссар.

Обрезков отказался наотрез. Тогда он со всеми товарищами был немедленно арестован и заключен в подземелье башни Едикуль в Семибашенном замке. Все это было подстроено, чтобы сразу же сделать невозможным мирный исход.

Началась война, которой, однако, суждено было окончиться совсем не так, как надеялись Оттоманская Порта и ее друзья.

Екатерина уже очень скоро после начала военных действий ухватилась за мысль, поданную первоначально, повидимому, Алексеем Орловым и поддержанную Григорием Григорьевичем, его братом. Эта мысль заключалась в том, чтобы напасть на Турцию с моря и с суши — на юге Оттоманской империи и этим создать диверсию, которая облегчила бы операции П. А. Румянцева на севере, т. е. в Молдавии и Валахии.

Наметился и план ближайших действий: возбуждение восстания среди христианских народов на Балканском полуострове, в первую очередь среди греков (в Морее) и среди черногорцев, и посылка для поддержки этого восстания и для действий против турецкого флота русских военных эскадр в Архипелаг.

Перед посылкой экспедиции в Архипелаг отношения между Шуазелем и Екатериной обострились до неслыханной степени

Князь Дмитрий Алексеевич Голицын, русский посол при версальском дворе, узнав, что французское правительство воспрепятствовало к ввозу во Францию «Наказ» Екатерины, писал вице-канцлеру князю А. М. Голицыну 2 ноября 1769 года: «Как бы ни был я этим возмущен, я, однако, не удивляюсь. Чего-то не доставало бы этому произведению, если бы оно получило одобрение французского министра, уже давно занявшего позицию человека, порицающего, осуждающего и воспрещающего к вводу во Францию всего, что хорошо, благородно и полезно человечеству. Могла ли бы такая мелочность занимать душу министра разумного? Неужели он [Шуазель] не может взять в толк и сказать себе, что все, исходящее от него, нисколько нас не задевает. Однако ничто не может быть яснее этого, и императрица много раз это доказывала» [1].

Воспрещение написанного Екатериной «Наказа» (признанного слишком «революционным» для Франции) было естественным добавлением к таким актам Шуазеля, как открытая военная помощь барским конфедератам в Польше.

После этих проявлений нескрываемой вражды можно было опасаться внезапных нападений со стороны французского и испанского флотов на эскадры Спиридова, Эльфинстона и Арфа, последовательно выходивших из Кронштадта и направлявшихся в Архипелаг.

Французы знали от своего деятельного и очень осведомленного агента в Турции барона Тотта (о котором так язвительно писала Вольтеру ненавидевшая барона Екатерина), что турецкие корабли во многом хороши, но что у них есть такой тяжелый изъян, как неуклюжий и медлительный руль, как неповоротливость, как плохая, устарелая артиллерия, как неустойчивость из-за слишком высоких бортов. Но во всех этих бедах французы (и прежде всего сам же барон Тотт и постоянно приезжавшие в Турцию французские офицеры и инженеры) пытались еще по мере сил помочь и помогали. Однако изменить безобразные порядки, царившие в турецком флоте, французы не могли.

[1] Письмо кн. Д. А. Голицына — кн. А. М. Голицыну от 2 ноября 1769 г. Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел, вып. 2. М., 1881, стр. 90—91.

Впоследствии некоторые из них признавались, что им не уда-
лись в борьбе против России два дела: научить поляков воен-
ной дисциплине и убедить турок, что на военных кораблях до-
жен командовать не тот, кто больше уплатит капитану-паше
его клевретам за получение этой должности, а тот, кто бо-
достоин ее.

Изо всех сил стремясь воспрепятствовать русскому фло-
пройти из Балтийского моря в Средиземное и имея на то ма-
риальную возможность, Шуазель не имел политической возмо-
ности это сделать: во-первых, мешали ему англичане; во-вт-
рых,— затевать новую большую войну не позволяли финанс-

Екатерина это учла и решилась организовать эту трудне-
шую и опаснейшую экспедицию. Когда уже все было кончено
турецкий флот покоился на дне Чесменской бухты, между р-
ским послом в Париже Хотинским и новым французским ми-
стром иностранных дел герцогом д'Эгильоном произошел (в а-
реле 1772 г.) необыкновенно интересный разговор: «В сам-
деле, господин герцог, вам бы следовало оказать услугу турк-
как и всему человечеству, убедив Порту быть более склонн-
к примирению»,— сказал Хотинский. В ответ на это гер-
д'Эгильон разоткровенничался совсем не по-дипломатичес-
«Как вы хотите, чтобы подали [Турции.— *Е. Т.*] такой совт-
когда ведь мы сами подтолкнули турок начать войну? Впроч-
наш кредит не очень большой. Мы сделали глупость, допуст-
проход вашего флота» [1]. Спустя некоторое время герцог д'Э-
льон уже совсем откровенно и точно объяснил, почему Франц-
и впредь будет бороться против России на востоке: «Европ-
ское равновесие легко могло бы быть нарушено, если бы
[русским.— *Е. Т.*] удалось предписать [prescrire] туркам мир
следующих трех условиях: свободное плаванье по Черному
рю, порт на Черном море и независимость татар. Обеспечив
собой такие преимущества, вы скоро очутитесь в Константи-
поле, и кто мог бы вас оттуда удалить [déloger]?» [2].

---

[1] Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, т. XIII. С
1902, стр. 137.

[2] Там же, т. XIII, стр. 138.

II

Позиция английского правительства в этот критический для планов Екатерины момент имела поистине первостепенное значение. Даже если бы Англия осталась просто в позиции вражде бного нейтралитета, императрица и Алексей Орлов должны были бы признать полную неисполнимость экспедиции в Архипелаг, потому что союзники турок французы ни за что не пропустили бы русский флот.

Но в том-то и дело, что помимо общих соображений, связанных с постоянным антагонизмом между Англией и Францией, у британского кабинета явилось в тот момент еще одно особое основание, по которому крайне желательно было появление русской эскадры на востоке Средиземного моря.

Англичане стремились всегда, и особенно во второй половине XVIII века, создать себе, кроме морского пути в Индию мимо мыса Доброй Надежды, еще и комбинированный сухопутно-морской путь по Средиземному морю, Нилу, затем сухим путем от Каира к Суэцу и от Суэца морем в Индию. А между тем, именно о том, чтобы устроить для французской торговли этот самый путь, сильно думали и французы. Овладение Египтом, номинально принадлежавшим Турции,— вот к чему уже тогда стремилась французская дипломатия. У французов даже создалась оригинальная теория: в благодарность за то, что Франция всячески мешает русским завоеваниям за счет Турции, турки должны уступить французам Египет. «Разве было бы удивительно, если бы Порта согласилась, в знак признательности, уступить нам страну, уже отделенную от [Оттоманской] империи или, по крайней мере, дать нам право свободного плавания по Красному морю?» — писал анонимный автор «Considérations politiques» в 1783 году [1].

Но принялись об этом мечтать французы уже после 1763 года, когда они окончательно должны были уступить англичанам Канаду. «В глазах версальского кабинета Египет был новым полем битвы против Англии; в случае занятия его нашими моряками или при организации прохождения через него наших караванов, Египет должен был компенсировать потерю Канады

[1] L. Pingaud. Choiseul — Gouffier, Paris, 1887, p. 117.

или, по крайней мере, открыть прямой путь в сорок восемь дне из Марселя в Бомбей»,— говорит Пэнго, биограф Шуазеля-Гуфье [1].

Если мы примем все это во внимание, то поймем без вс кого труда, почему Англия была прямо заинтересована в то чтобы русский флот, явившись в восточной части Средиземно моря, отвлек и французов и турок от Египта к Морее, от инт ресов в Египте — к заботам о сохранении Архипелага и Ба канского полуострова за Портой.

Екатерина все это учитывала и повела беспроигрышну дипломатическую игру.

Как совершенно правильно говорит один новейший англи ский историк, касаясь этого периода, «Англия, страна комме сантов, нуждалась в мире, чтобы хорошо шли торговые дела Не только в 1791 году, но и гораздо раньше дипломатическ разногласий, тогда возникших, «нация ясно показала, что ве ные и непосредственные выгоды торговли брали верх над отд ленными надеждами на политические преимущества. Торгов с Россией была гораздо важнее для английской нации, чем ра новесие европейских держав» [2].

Подавно это было так в 1769—1774 гг.

Английское правительство прибегло не только к известны демонстративным передвижениям своего флота на путях след вания русского флота, но и заявило как в Париже, так и Мадриде, что «отказ в разрешении русским войти в Средизе ное море будет рассматриваться как враждебный акт, напра ленный против Англии» [3].

Известный историк, автор неоднократно издававшейся и нас классической книги «Влияние морской силы на французску революцию и империю» Мэхен сначала приводит такие факт как починка некоторых кораблей русского флота, шедшего Архипелаг, в английском порту Спитхеде и Портсмуте, пото

---

[1] L. Pingaud. Choiseul — Gouffier. Paris, 1887, p. 117.

[2] J. Stoker. William Pitt et la révolution française. Par 1935, p. 206.

[3] Эти уточнения дает очень осведомленный английский конс Вильям Итон, долго служивший в Турции. См. Tableau historique, pol tique et moderne de l'empire Ottoman, t. II. Paris, 1808, p. 166.

в Порт-Магоне (тогда принадлежавшем Англии) и т. п., а потом прибавляет, что эти явления «кажутся похожими на сон» позднейшим английским поколениям, помнящим Крымскую войну 1854—1855 г. или русско-турецкую войну 1877—1878 гг.,— до такой степени позднейшая англо-русская вражда непохожа на вполне дружественные отношения, царившие между обеими странами в 1770 году, когда русские эскадры благодаря этому проходили из Балтийского моря в Средиземное, игнорируя французские и испанские угрозы.

Но русский флот готовил Европе в Архипелаге еще более поразительные «сны»...

III

Не очень спокойно было на душе у Екатерины при последовательной посылке эскадр Спиридова, Эльфинстона и Арфа в Архипелаг. Не говоря уже о враждебности французов, но и на английское благорасположение императрица не вполне твердо рассчитывала. Ревность, «жалузия» (la jalousie) англичан ее тревожила. «По известной всех англичан без изъятия жалузии ко всяким морским предприятиям других держав, нельзя, правда, ручаться, чтобы они внутренно и на нашу экспедицию без зависти взирать стали, тем больше, что противу ее будет их еще поощрять и некоторое опасение относительно к левантской их торговле...» Так велено было Н. И. Панину отписать русскому послу в Лондон, чтобы тот успокоил всячески британское правительство [1].

Предприятие было такое сложное, хлопотливое, такое рискованное, сопряжено с такой массой непредвиденных дипломатических случайностей и военных затруднений и препятствий, что ни адмиралам, ни морякам Спиридову, Грейгу, Эльфинстону, какими бы дельными людьми в своей области они ни были, нельзя было поручить верховное руководство им.

Екатерина знала, к кому ей следует обратиться.

Из всех людей, которые помогли ей в свое время совершить государственный переворот, Алексей Орлов не только сыграл наиболее решающую, капитальную роль, но и показал себя че-

[1] Письмо графа Панина к графу Чернышеву в Лондон. В Петергофе, 18 июля 1769 г. СРИО, т. LXXXVII. СПб., 1893, стр. 473—477.

ловеком, абсолютно ни перед чем не останавливающимся. Н моральные, ни физические, ни политические препятствия дл него не существовали, и он даже не мог взять в толк, почем они существуют для других.

Вот Петр III, которого он с Екатериной незвергли с прест ла, уже целую неделю сидит в запертой комнате в ропшинско дворце, и императрица не знает, что же с этим опаснейшим дл нее арестантом дальше делать? То-есть, она-то знает, но сте няется сказать. И наперед уверена, что Алексей Орлов од только поймет ее и без слов... Он едет в Ропшу — и за обедо бросается на низвергнутого императора и душит его заблагов менно припасенным ремнем. Проходит тридцать шесть лет, ца ствует уже третий год Павел,— и граф Орлов, в разговоре Натальей Кирилловной Загряжской, все удивляется, как «т кого урода» терпят.— «А что же прикажешь с ним делать? Н задушить же его батюшка?» — с укором замечает Загряжска «А почему же нет, матушка?» — с искренним удивлением отв чает Алексей Григорьевич. Он был цареубийцей в душе; э было у него вроде дурной привычки,— говорила впоследстви хорошо его знавшая Загряжская (c'était chez lui comme u mauvaise habitude). Он был гораздо умнее, храбрее, одарен своего брата Григория Григорьевича, которого несколько л подряд любила Екатерина и за которого она собиралась да по слухам, выйти замуж. Алексея она уважала гораздо бол ше, чем Григория, и не столько любила, сколько восхищала его всегдашней и разносторонней оперативностью,— и боялась е Эту боязнь заметил не только французский посол при русск двоpе Сабатье де Кабр, который писал об этом в своем офиц альном докладе королю Людовику XV, но о том же говорят другие свидетельства. Чего же могла страшиться всемогущ государыня, бывшая при этом женщиной очень неробкой? Тру но в точности ответить на этот вопрос. Но когда этот огромн го роста атлет, этот русский былинный молодец Василий Б лаевич, Лихач Кудрявич входил в дворцовые чертоги, то Е терина делалась другой, чем до его появления. Она его боялас повидимому, потому, что знала, до какой степени сам-то абсолютно ничего не боится и ни перед чем не останавливает Ненавидевшая его лично княгиня Дашкова в разговоре с

стившим у Екатерины энциклопедистом Дидро назвала Алексея Орлова «одним из величайших злодеев на земле». Это слишком сильно сказано. Неукротимые буйные силы жили в этом необычайном человеке, но далеко не всегда шли они на дурное. Отблеск чесменской славы озаряет его историческое имя. Он был одарен также и физической неестественной силой. До старости, уже живя на покое в Москве отставным вельможей в своем великолепном дворце, он любил при случае принимать участие в кулачных боях и нередко «ссаживал» при этом молодых бойцов, которым годился даже и не в отцы, а в дедушки. Страшный рубец, пересекавший и обезобразивший все его лицо, был им получен от сабельного удара при одном отчаянном затеянном им побоище. Его при дворе так и называли по этому признаку «balafré»— непереводимым по-русски словом, происходящим от «la balafre», что означает «рубец». Но не красотой пробил он себе дорогу к высшим почестям, к небывалыханному богатству, и не физической необъятной силой заслужил он такое положение, что в самых трудных случаях не он искал, а его искали, не он просил, а его просили, и просительницей оказывалась иногда самодержавная владычица Российской империи.

И на этот раз, при снаряжении экспедиции из Балтики на восток Средиземного моря, Екатерине понадобились ум, хитрость, пронырливость, изобретательность Алексея Орлова, соединенные со способностью, где нужно — рискнуть, где нужно — поостеречься.

Затеваемая экспедиция уже потому не могла обойтись без Алексея Орлова, что именно Алексей Орлов с самого начала дал понять Екатерине, до какой степени может быть полезна в борьбе с Турцией помощь греков и на суше и на море.

Головоломная авантюра прибавлялась к трудному и без того предприятию! Но Екатерина, которой, вообще говоря, авантюризм был вовсе не так свойствен, как тому же Алексею Орлову, имела все основания думать, что на этот раз можно, в самом деле, попытаться выяснить, нельзя ли найти в этих далеких краях, на берегах Архипелага, неожиданных союзников.

В чем же, в сущности, был риск, даже в случае неудачи?

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Восставшим грекам пришлось бы худо, но положение русског флота в Архипелаге не стало бы хуже, даже если бы никако восстания нигде и не начиналось.

Алексей Орлов и непосредственно и через брата свое Григория, тогдашнего фаворита императрицы, не переставал своих письмах из Италии, где он находился, рисовать заманч вые картины восстания христианских подданных Порты. Ека рина решилась. Уже в 1768 году, сейчас же после объявлен Турцией войны России, были приняты меры к организации п стоянных сношений с греческим и славянским населением Т рецкой империи. В Молдавию и Валахию был отправлен д агитации Назар Каразин, болгарин по происхождению, в А банию — «венецианский грек» Иван Петушин, уже возивш Екатерине письма от Мавромихали из греческой области Май (в Морее). Что это за «венецианский грек» с такими чис русскими именем и фамилией,— в рескрипте Екатерины к гр фу Орлову не объясняется. В Черногорию были отправле Эздемирович и Белич. Все эти эмиссары оказались во мног дельными людьми. Каразину удалось поднять против турок т тысячи арнаутов и 18 октября 1769 года даже занять Бухаре Но в январе 1769 года, называя Орлову Каразина, Екатери конечно, не могла предвидеть такого быстрого успеха со сто ны своего эмиссара.

Рескрипт Орлову был подписан императрицей в Петерб ге, 29 января 1769 года. Он является как бы ответом на пи ма Алексея Орлова о возможной помощи русскому делу со с роны греков и славян. Екатерина не только сообщает Орл о принятых уже ею мерах по рассылке эмиссаров к славя и грекам, но и подчеркивает, что именно его, Алексея Орло она считает наиболее пригодным человеком для верховного ководства всем этим делом. «Мы сами уже, по предложен брата вашего генерал-фельдцейхмейстера, помышляли о учи нии неприятелю чувствительной диверсии со стороны Гре как на твердой ее земле, так и на островах Архипелага, а перь, получа от вас ближайшие известия о действительной мошних народов склонности к восстанию против Порты, и еще утверждаемся в сем мнении; а потому, будучи соверше надежны в вашей к нам верности, в способности вашей и в

рячем искании быть отечеству полезным сыном и гражданином, охотно соизволяем мы по собственному вашему желанию, поручить и вверить вам приготовление, распоряжение и руководство сего подвига». Так писала императрица Алексею Орлову, еще пока не назначая его верховным начальником морской экспедиции, а только поручая ему руководство агитацией среди христианских подданных Оттоманской Порты [1].

Хорошо зная, кому она пишет, Екатерина настаивает, чтобы дело повелось «тихостью», чтобы не торопиться совершать на турок нападения «малыми и рассыпанными каждого народа кучами», а подготовить общее и одновременное, по возможности, восстание всех этих балканских народов. Екатерина с ударением напоминает Алексею Орлову, что «восстание каждого народа порознь» не может быть полезно для нас, «ибо ни который из них сам по себе столько не силен, чтобы иное что произвесть мог, кроме одного набега и, так сказать, мимоходного на оном опустошении частицы ближней земли». Она уже наперед боялась того, что, как увидим, потом и случилось в Морее, где так называемые «майноты» спустились со своих гор, разграбили селения в равнинной части Мореи и скрылись затем в свои недоступные ущелья.

Екатерина предлагает Орлову войти в соответствующие сношения с Венецианской республикой, которой в награду за помощь можно посулить возвращение Мореи, некогда принадлежавшей венецианцам. Но плохо надеется Екатерина на Венецию, которая слишком боится турок и поэтому слишком уж много хитрит и «по обыкновенной ее перетоненной политике» всего и всех опасается [2].

Алексей Орлов просил, чтобы Екатерина прислала ему несколько государственных грамот за печатью и собственноручной подписью, в которых императрица обещала бы «включить» все восставшие против Порты народы «в будущее замирение наше с Портой».

---

[1] Рескрипт императрицы Екатерины II, данный на имя графа Алексея Орлова, 29-го января 1769 г. СРИО, т. I. СПб., 1867, стр. 1—13.

[2] Там же, стр. 10.

Екатерина тотчас же выслала Орлову требуемые документы. Одновременно императрица перевела двести тысяч рублей в распоряжение Орлова на первые расходы.

Греки волновались, слухи о скором их освобождении от турок приводили их в восторг. Алексей Орлов совершенно убежден был, что как только русская эскадра появится у берегов Мореи, тотчас же весь этот полуостров будет объят пламенем восстания. Грейг видел, что медленность в плавании эскадры может сыграть в данном случае роковую роль: «Если бы можно было русскому флоту прийти несколькими месяцами ранее, пока это всеобщее воодушевление народа еще было в полной силе, турки же малочисленны и рассеяны, то весьма вероятно, что вся Морея в короткое время была бы очищена от турок и осталась в полной власти греков» [1].

Екатерина с обычной своей трезвостью мышления не очень полагалась на помощь «православных народов, подвластных Турции», о которых с таким чувством писала в рескрипте. «Признаться же должно, что в то самое время множество греков, сербин и прочие единоверные авантурьеры зачали обуваться ко многим с планами, с проектами, с переговорами... Так без всякого энтузиазма изъяснялась она в личных письмах к Алексею Орлову. И, кстати, прибавляет («мимоходом дано Вам приметить»), что один из единоверных, Степан Малый, «в канцелярии опекунства здесь дело имел и, обманув здесь выманя алмазы у греческого купца и заложа оные, деньги взял и сам ускакал».

Но все это — дело второстепенное. Русская армия и русский флот — вот на что должна прежде всего рассчитывать опираться Россия, когда она вынуждена вооруженной рукой отстаивать свои интересы. Греки, «сербины», черногорцы — все это, если бы пришло в движение, сильно подорвало бы возможные планы и предприятия Оттоманской Порты на севере Турецкой империи, то-есть в Крыму, на Кубани и на Дунае, Бугре Днестре и на границах Польши. Но диверсия на юге Турции возможна лишь путем посылки сильного русского флота в Ар

[1] Собственноручный журнал капитан-командора (впоследствии адмирала) С. К. Грейга в Чесменский поход — «Морской сборник», т. II, 184 октябрь, № 10, стр. 653.

хипелаг. И Екатерина отваживается на это дело и снаряжает экспедицию Алексея Орлова. Она знает что Панин, которому и вся-то турецкая война не нравится, никак не может одобрить этого далекого и отважного, многие даже думали — отчаянного предприятия. Но императрица просто игнорирует в этом случае Панина, как она его игнорировала и в других очень важных случаях. Никита Иванович узнает об экспедиции, когда уже все решено и даже некоторые важные приготовления сделаны.

Екатерина понимала, что, отправляя эскадры Алексея Орлова и адмирала Спиридова из Балтики через Скагеррак и Каттегат, Северное море, Атлантический океан, Гибралтар, Средиземное море — к берегам Мореи и островам Архипелага, она идет на очень большой риск, и что плыть придется мимо Англии и мимо берегов Франции. «Новость и важность предприятия нашего противу неприятеля обратят, конечно, на себя особливое внимание всей Европы, тем более, что тут общая всех полуденных держав левантская коммерция много интересована будет»,— так писала императрица в рескрипте на имя Орлова от 11 августа 1769 г.[1]. Она хорошо знала, кого посылает. Умный, дерзостный, храбрый, любящий риск и ищущий риска, но вместе с тем расчетливый, не боящийся ни пули, ни ответственности, Алексей Орлов, как уже сказано, был как раз подходящим человеком для подобного головоломного задания. Но Екатерина очень хорошо знала натуру этого отважнейшего и опаснейшего из своих фаворитов, в котором сидел не только ругенерал, но и кондотьер, не только кавалер орденов Российской империи, но и былой новгородский ушкуйник Василий Буслаевич. Она опасалась, что он не воздержится от злоупотребления — корсарством, которое так легко сбивается на морской разбой. И настойчиво, уже наперед запрещает Орлову выдавать грамоты на корсарство («арматорство»), если эти «арматоры» намерены будут нападать на торговые суда европейских держав же народов христианских вероисповеданий, живущих под властью турок и числящихся турецкими подданными. Мотивы ограничения весьма понятны. В XVIII веке вопрос

---

[1] Рескрипт императрицы Екатерины II, данный на имя графа Алексея Григорьевича Орлова, 11 августа 1769 г. СРИО, т. I, стр. 23.

о праве воюющих правительств выдавать частным лицам (капитанам, судовым дельцам «арматорам») лицензии для узаконения нападания на торговые суда противника был одним из самых острых и горячо дебатировавшихся в процесс международного права. Екатерина не желала, чтобы Алексей Орлов, слишком щедро рассылая корсарские суда, возбуждал против России не только Англию и Францию, но торговые круги Греции и всего Леванта. Она, напротив, стремилась всячески выступать в качестве покровительницы утесняемых турками христиан, а из всех этих христиан именно богатые греческие и левантийские купцы могли стать непосредственно наиболее полезными союзниками. Еще 4 марта 1769 г. да императрица особым рескриптом дала Алексею Орлову обширнейшие полномочия и средства, которые ему, по мнению государыни, могут понадобиться для «скорого от вас на месте приласкания таких людей, кои между благочестивыми греческими и славянскими народами отличный кредит иметь могут»[1].

Хлопот было много. Эти «благочестивые» левантийцы греки вели себя нередко весьма сомнительно, несмотря на все «приласкания» их, а Франция и даже «дружественная» Англия интриговали очень усиленно. Правда, их усилия порой взаимно нейтрализовались тем, что друг к другу они в тот момент относились еще враждебнее, чем к России. Да и серьезной базы в Средиземном море русским добиться было не так легко, и Екатерина собственноручным письмом (от 6 мая 1769 г.) предупреждала Алексея Орлова, чтобы он не очень полагался на Неаполь: «дам вам приметить, что король неаполитанский бурбонского дома и по французской дудке со своим министерством пляшет, а сия дудка с российским голосом не ладит»[2].

IV

Алексей Орлов находился в Италии, в Ливорно. Поэтому командиров для эскадр, которые одна за другой были отправлены из Балтийского моря в Архипелаг, пришлось выискивать

---

[1] Рескрипт императрицы Екатерины II, данный на имя графа Алексея Григорьевича Орлова, 4 марта 1769 г. СРИО, т. I, стр. 14.

[2] Собственноручное письмо императрицы Екатерины II к графу Алексею Григорьевичу Орлову, 6 мая 1769 г. СРИО, т. I, стр. 17.

и назначать уже без главнокомандующего всем предприятием. Но, войдя в Средиземное море, все они должны были немедленно стать под его верховное командование.

Выбор командиров эскадр в общем был удачен, в особенности нужно сказать это о командире первой эскадры Спиридове и находившемся при нем Грейге.

Григорию Андреевичу Спиридову, происходившему из старинного, но обедневшего дворянского рода, было уже пятьдесят шесть лет, когда в 1768 году императрица решила поручить ему первую эскадру из тех, которые должны были пойти в Архипелаг.

Он был с 1764 года вице-адмиралом и командовал кронштадтской эскадрой. Этот почетный и относительно спокойный пост достался ему после долгой, терпкой, трудной лямки, которую он тянул с пятнадцатилетнего возраста, когда стал гардемарином, а еще точнее — с десятилетнего возраста, когда записался в морские «волонтеры». Перебрасывали его то на Каспийское море, то на Азовское, то на Белое, то, наконец, в такой глубоко континентальный город, как Казань, для надзора за рубкой и доставкой корабельного леса для нужд адмиралтейства.

В Семилетнюю войну Спиридов отличился, приняв активное участие в военных действиях, предпринятых в 1760—1761 гг. против прусской морской крепости Кольберга.

Спиридов был здоровья очень хрупкого, к старости болезни становились чаще и злее. Но в поход все же пошел, покинув свое место командира кронштадтской эскадры. 4 июня 1769 года его произвели в полные адмиралы. Это была как бы наперед выданная награда.

Своей флотилией назначенный в поход Спиридов не имел оснований быть очень довольным. Из 15 судов побольше — ровно одна треть не дошла даже до Англии, а у Порт-Магона, (на о. Минорке в Средиземном море) из своей эскадры Спиридов увидел лишь четыре линейных корабля и четыре фрегата. Сам адмирал на своем флагманском «Евстафии» пришел 18 ноября 1769 года первым, а потом в течение нескольких месяцев приходилось поджидать отставшие и чинившиеся суда. Екатерину раздражало то, что больше полугода пошло на путеше-

ствие из Кронштадта в Средиземное море. Но суда были плохи не выдерживали больших штормов, ломались в важных частях требовали очень долгой починки в Англии и других местах, где по пути их должен был оставлять Спиридов.

Старый морской служака не мог быть очень уверен также и в том экипаже, который посадили на его суда. Правда, в его храбрости, в его уменьи, например, вести победоносный рукопашный бой, в его способности научиться владеть морской артиллерией Спиридов не имел никаких поводов усомниться. Но много было матросов из глубины Русского материка, никогда до поступления на службу не видевших моря. Они болели, многие умирали в тяжком, долгом морском походе. За первые же два месяца плавания (и притом сравнительно теплые месяцы — от конца июля до конца сентября) Спиридов потерял сто человек умершими и около 500 тяжело больными. За одну только остановку в Гулльском порту, т. е. за три недели с небольшим, умерло еще 83 человека. «До сего числа еще ни один час не прошел, когда бы я без прискорбности пробыл»,— писал Спиридов, сам больной, графу Орлову в Ливорно, извещая его о своем медленном плавании.

Русская дипломатия имела основание ждать опаснейших интриг и «подвохов» со стороны французского флота,— например, специально подстроенной с провокационными целями посылки нарочито «подозрительных» купеческих судов навстречу русским эскадрам. Умысел состоял в том, чтобы при остановке или аресте этих судов русскими военными кораблями затеять ссору и нападение и задержать поход: «...для того самого, может быть, и подсылать еще будут навстречу кораблям нашим такие французские суда, кои бы свойством груза своего могли произвести сумнение и задержание в плавании их. От ненавистствующего нам Шоазеля можно по черноте характера его не только такой ожидать ухватки, но конечно и всякого беззакония, которое нам во вред быть может...» [1]. Так писал Никита Панин русскому послу в Лондоне графу Мусину-Пушкину 29 мая 1770 года. И Спиридов, и Эльфинстон, и Арф, и Чичагов,

[1] Письмо графа Панина к Мусину-Пушкину в Лондон. В Царском Селе, 29 мая 1770 г. СРИО, т. XCVII, СПб., 1896, стр. 81, № 196.

Грейг — все они получали в свое время эти предостерегающие напутствия, и все эти вожди пяти эскадр, посланных в 1770—1773 гг. в Архипелаг, счастливо избежали французских лобущек и козней.

За Спиридовым пошла вторая эскадра, которую императрица вверила Эльфинстону.

Английский капитан Джон Эльфинстон был принят на русскую службу 30 мая 1769 года, а уже 29 июня высочайшим приказом произведен в контр-адмиралы «сверх комплекта». Ровно через две недели после этого последовал «секретный высочайший указ» адмиралу Мордвинову (от 14 июля 1769 г.), повелевавший снабжать эскадру, порученную Эльфинстону, «без дальних канцелярских переписок, всем тем, чего он требовать будет» [1].

В качестве командира линейного корабля «Не тронь меня» и имея общее командование над небольшой эскадрой (из трех линейных кораблей, двух фрегатов и трех вооруженных транспортов), Эльфинстон явился в Архипелаг, куда Екатерина послала его в помощь уже пребывавшим в турецких водах Спиридову и Грейгу. Эльфинстон должен был также тотчас же по прибытии стать под верховную команду графа Алексея Орлова.

Не повезло Эльфинстону, замечу кстати, на русской службе. 16—17 мая 1770 года он встретился с турецкой эскадрой, но турки не приняли боя и укрылись в бухте Наполи-ди-Романья. Эльфинстон сначала было попробовал блокировать в этой бухте турецкий флот, но потом раздумал и отошел ввиду подавляющего превосходства турецких сил. Уйдя, он соединился со Спиридовым, и они вместе, по настоянию Спиридова, вернулись в Наполи-ди-Романья, однако турок уже не застали: Гасан-бей со своим флотом бежал по направлению к Хиосу. Спиридов негодовал на Эльфинстона, упустившего турок, и оба адмирала очень крупно поссорились.

Спиридов с тех пор не терпел англичанина, команда его плохо понимала и не очень любила, Алексей Орлов тоже не взлюбил его. Но служебная катастрофа постигла его, как увидим, лишь после Чесмы.

---

[1] Материалы для истории русского флота, ч. XI. СПб., 1886, стр. 63, № 179.

Однако свое главное дело, руководство переходом поручен ной ему эскадры из Финского залива в Архипелаг, Эльфинсто выполнил хорошо.

В начале июня 1770 года была окончательно снаряжена отправлена из Кронштадта в Архипелаг, в подкрепление уж раньше посланных соединений, еще третья небольшая эскадр контр-адмирала Арфа, датчанина, принятого на русскую служб

Тут же напомним, что и этому Арфу тоже не повезло, карьеры в России он не сделал. Но об этом — в своем мест а пока заметим, что Арф в 1770 году, начиная свою коротку службу, все же сравнительно, благополучно привел свою эска ру в Архипелаг.

Именно потому, что Арф был иностранец, Екатерина, о правляя его, сочла нужным снабдить этого контр-адмира обстоятельной инструкцией, в которой дала краткую харак ристику дипломатических отношений России со всеми морски державами, мимо которых будет плыть эскадра на своем до гом пути из Кронштадта в Архипелаг. Этот документ в вы кой степени ценен с общеисторической точки зрения.

Первой встретится контр-адмиралу Арфу Дания: «Отно тельно к сей короне можете вы на нее совершенно надеж быть и входить в ее гавани», отношения самые дружественн Дальше — Голландия, с ней тоже «доброе согласие и друж Нет опасности и от Англии: враг у Англии и у России общ французы. «Об Англии справедливо можем мы сказать, она нам прямо доброжелательная и одна из дружественней наших держав, потому что политические наши виды и интер весьма тесно между собой связаны и одним путем к одинако цели идут». А кроме того, «имеем мы с Великобританской роной трактат дружбы и коммерции».

Мало того, уже при посылке первых двух эскадр — Спи дова и Эльфинстона — «изъяснялися мы откровенно че посла нашего с королем Великобританским и получили увере что военные корабли наши приняты будут в пристанях его в дения за дружественные». Желательно стараться избегать к ких трений с английскими морскими властями по вопрос церемониальных салютах и т. п.

Совсем другого рода отношения у России с «бурбонск

дворами». Под «бурбонскими дворами» понимались тогда Франция, Испания и королевство обеих Сицилий (Неаполитанское), три державы, где царствовали три линии династии Бурбонов: французская, испанская и неаполитанская. Эти три державы состояли между собой в союзе, направленном против Англии, а не против России, но так как главный член союза — Франция была решительным врагом русской политики и на Востоке, и в Польше, и в Швеции, то русский флот, вступая в Средиземное море, имел основание с сугубой осторожностью относиться к близости не только французских, но и испанских и южноитальянских берегов. «Со всеми сими бурбонскими дворами имеем мы только наружное согласие и можем, конечно, без ошибки полагать, что они нам и оружию нашему добра не желают». Однако Екатерина знает очень хорошо, что при демонстративно дружественном отношении Англии к присутствию судов русских в Средиземном море «нельзя ожидать и того, что они шествию вашему [т. е. контр-адмирала Арфа.— *Е. Т.*] явно и вооруженной рукой сопротивляться стали». Но следует всячески подальше «обегать» указанные негостеприимные и подозрительные берега. Что касается Португалии, враждебной Испании и Франции, а также королевства Сардинского, то они будут скорее рады появлению российского флага. Тоскана (со своим портом Ливорно) и республика Генуэзская не делают и не будут чинить в будущем особых препятствий. А Венеция даже «желает нам внутренно добра, потому что она враждебна туркам, и только из боязни открыто не дерзает поднять против них оружие. В Венеции сидит русский поверенный в делах маркиз Маруцци, с которым и надлежит сноситься». «Если успехи наши будут важны и поспешны», то можно будет надеяться на благоприятные известия от маркиза Маруцци. Екатерина ждала особых провокаций со стороны врагов: «Весьма легко статься может, что французы, по обыкновенному своему коварству, пошлют на встречу нашим кораблям суда свои собственные или гишпанские или неаполитанские, кои свойством паспортов и груза своего могут навести подозрение». Так вот, пусть Арф не поддается на эту провокацию! [1]

[1] Копия с рескрипта императрицы Екатерины II, данного на имя контр-адмирала Арфа, 5 июня 1770 года. СРИО, т. I, стр. 124—137.

Но эскадра Арфа уже не поспела, конечно, к Чесменскому бою. Она пригодилась потом при блокаде Дарданелл.

Цель экспедиции в Архипелаг была точно сформулирована в «собственном журнале» (дневнике) адмирала Грейга. «Е. И. В., желая, по возможности, усилить военные действия против турок, для скорейшего окончания войны, вознамерилась послать военный флот в Архипелаг и Левант. Цель экспедиции заключалась в том, чтоб произвесть диверсию в этих местах и беспокоить турок в той части их владений, где они менее всего могли опасаться нападения, по причине затруднений, с каким должно быть сопряжено отправление вооруженной силы от самых крайних пределов Балтики в моря, столь отдаленные». Грейг и главный начальник отправляемой в Архипелаг первой эскадры адмирал Спиридов хорошо знали, что из европейских держав «некоторые благоприятствовали этому предприятию, другие смотрели на него с завистью» [1]. Спиридову было дано семь линейных кораблей, один фрегат, одно бомбардирское судно, четыре пинка (транспорты), два пакетбота и три гальота. Число орудий на эскадре было равно 640, команда — 558 человек.

17 июля Екатерина посетила на кронштадтском рейде эскадру, а на другой день, 18 июля 1769 года, Спиридов вышел в море.

Шканечный журнал флагманского корабля экспедиции начинается словами: «1769 года июля 17 дня, при помощи божией начат сей журнал корабля «Трех иерархов» под командою господина бригадира флота капитана Самойлы Карловича Грейга в пути от Кронштата [sic!] со флотом, который состоит о семи линейных кораблях, одного бомбардирского, одного фрегата, четырех пинов [sic!], двух пакетботов и трех гальетов. При главною командою господина адмирала и разных орденов кавалера Григория Андреевича Спиридова, имеющего свой флаг на корабле 66-пушечном «Св. Евстафии» [2].

Плавание шло с замедлениями, останавливались для починки повреждений и ликвидации разных неисправностей. 12 авг

---

[1] Собственноручный журнал С. К. Грейга. Цит. изд., 1849, октябрь, стр. 645.

[2] Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), фонд: Шканечные журналы, № 950.

ста к Спиридову близ острова Остергала присоединились еще четыре линейных корабля под начальством контр-адмирала Елманова. 6 сентября русский флот был уже в Копенгагене, где ему было оказано всяческое содействие: Дания вполне зависела в тот момент от Екатерины, ограждавшей ее независимость против всяких покушений со стороны Швеции и Пруссии. 8 сентября Спиридов покинул Копенгаген и пошел через Каттегат. Тут один из транспортов сел на мель и разбился, остальные суда прибыли в Гулль. Грейг задержался несколько у английских берегов для исправления повреждений на некоторых судах, а Спиридов прошел в Атлантический океан и лишь 12 ноября прибыл в Гибралтар, где у него, как он пишет, «был назначен рандеву» с Грейгом. Но Спиридов известил через английское купеческое судно, что он миновал Гибралтар и уже находится в Порт-Магоне. «Налившись водой» и получив все нужные припасы в Гибралтаре, Грейг немедленно вышел на соединение с адмиралом. С 4 по 12 декабря русские суда, отставшие от Спиридова, постепенно подходили к Порт-Магону.

В общем, там собралось годных к дальнейшему походу всего девять судов: пять линейных кораблей («Евстафий», «Три иерарха», «Три святителя», «Св. Януарий», «Надежда благополучия»), два шлюпа и два военных транспорта.

Здесь адмирал Спиридов получил известие о новых предначертаниях Екатерины. Во-первых, императрица назначила главнокомандующим всеми русскими морскими и сухопутными силами на Средиземном море Алексея Орлова. Во-вторых, Спиридову, поступавшему под начальство Орлова, было дано знать, что «ее величество, еще до отправления настоящей экспедиции, тайным образом повелела генералу графу Алексею Григорьевичу Орлову, находившемуся в Италии при начале войны с братом своим графом Федором Григорьевичем, стараться, через посланных туда доверенных людей, узнать настоящее расположение греков в Морее и также предложить славянам и албанцам, обитающим на берегах Адриатического моря, присоединиться к восстанию, так как естественное расположение этих поколений к грабежу и военным набегам легко могло склонить их к тому» [1].

[1] Собственноручный журнал С. К. Грейга. Цит. изд., стр. 652.

Место, где должно было начаться восстание против тур было выбрано Екатериной и Орловым совершенно правильн в Морее греков жило несравненно больше, чем турок, и тамо ние турки, «давно отвыкшие от войны, утопали в неге и ра врате». Но тут с русской стороны была совершена ошибка: аг тация в Морее была поставлена Орловым еще задолго до пос ления эскадры Спиридова в турецких водах, и турки поэто не были захвачены врасплох. Они уже учуяли опасность, на ли готовиться, стягивали постепенно силы к полуострову Мор Элемент внезапности, на что раньше рассчитывала императри был поэтому утрачен для русской игры.

V

Пока русский флот с понятной медленностью, подчиня необходимости, подвигался по морям к своему далекому наз чению,— на Леванте, и прежде всего на Балканском полуост ве и островах Архипелага, происходили свои события.

Алексей Орлов, спозаранку начавший свою антитурецк агитацию среди славян и греков, не рассчитал правильно в мени прихода русских эскадр. А вместо нужных Спиридова Грейга к нему явилось совсем другое и абсолютно для него тот момент бесполезное лицо — князь Юрий Владимиров Долгоруков.

Этот человек не лишен был энергии, храбрости, некотор ума (размеры и глубину коего он склонен был, впрочем, кр не переоценивать). За свою очень долгую жизнь (сподоби же он прожить на свете девяносто лет) Юрий Владимиров сделал крупную военную и военно-административную карье что при его настоящей знатности, огромных придворных свя и богатстве было не очень трудно. Но была в нем одна чер принесшая положительный вред русскому делу именно в момент, когда граф Орлов готовил общее восстание про Порты, которое должно было вспыхнуть при появлении русс эскадр в Архипелаге. Эту черту князя Долгорукова мо определить как смесь поразительного легкомыслия с неверо ным самомнением, заносчивостью и склонностью «соваться воду не спросясь броду» и браться за дела не по силам.

Прежде всего: как он очутился у Алексея Орлова? До

точно привести то «объяснение», которое дает сам Долгоруков, чтобы сразу понять, с кем мы имеем дело: «В сие время граф Алексей Григорьевич Орлов, находясь для лечения болезни в Италии... разговаривая с славянами, венецианскими подданными, с нами единоверными, уверился, что они недовольны своим правлением [правительством.— *Е. Т.*] также и их соседи черногорцы, турецкие подданные, и даже греки в Архипелаге преданы двору российскому; посему граф Орлов писал ко двору, дабы на сии народы и обстоятельства делать свои внимания [sic!], и он представляет свои услуги, если прислан будет флот и войско, но что он начальства не примет, если меня к нему на помощь не пришлют»[1]. Значит, Орлову даже ни войско, ни флот не нужны, ибо если ему откажут в присылке Юрия Владимировича, то уже ничто его не утешит в отсутствии этой решающей «помощи»!

Кому приписываются эти чувства и эти слова?

Алексею Орлову, опасному, грозному, честолюбивому, на все способному, на все решающемуся человеку, связавшему уже свое имя с этой затеянной им, его братом и императрицей диверсией на юге Оттоманской империи? И почему же Орлов готов отказаться от командования? Потому, что он, ничего и никого не боящийся, боится, что ему не пришлют Юрия Владимировича Долгорукова «на помощь»! А Долгоруков был в это время лишь одним из дюжинных генерал-майоров, несмотря на одушевленный панегирик, который он пишет себе самому в своих «Записках» и который, к слову замечу, без малейшей критики перенесен был благополучно, например, в статье о нем М. Российского в «Русском биографическом словаре». Одним словом, Долгоруков напросился на эту интересную командировку. Даже при отъезде из Петербурга он успел еще налгать нечто совсем уже невероятное: ему, якобы, поднесли Анненскую ленту, «объявя, что воля императрицы, чтоб я ее надел, когда заблагорассужу [!], и при том двадцать тысяч рублей; я то и другое отказал, не успев еще заслужить никакой награды»[2].

Такими же сказаниями, сбивающимися иногда на модные

---

[1] Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова. «Русская старина», т. LXIII, 1889, сентябрь, стр. 491—492.

[2] Сказания о роде князей Долгоруковых. СПб., 1842, стр. 302.

в XVIII столетии мемуары разных искателей приключений, иногда на пленительные повествования Шехеразады,— полны те страницы «Записок» Долгорукова, где он сообщает о свое миссии к черногорцам. Орлов отправил его туда, дав ему не много боеприпасов.

В Черногории обстоятельства были, в самом деле, очень за путанные, и, вероятно, если бы у нас была даже серьезна сколько-нибудь достоверная документация, то все-таки было б нелегко разобраться в положении вещей. А у нас об этом моме те — появлении Долгорукова в Черногории — решительно ниче нет, кроме записок того же Юрия Владимировича Долгоруков который сам себя невольно отрекомендовал читателю челов ком, склада ума крайне беллетристического, так сказать. Пол жение в Черногории он застал весьма сложное и затейливо Уже с 1769 года Черногорией правил неизвестно откуда (г ворили, из Австрии) явившийся авантюрист Стефан, или, к он себя с затейливым вывертом величал: «Стефан — с малы малый, с добрыми добрый, со злыми злой». Этот Стефан ил в просторечии, «Степан Малый», хотя и объявил себя русски царем Петром III, все-таки продолжал подписываться «Стеф ном Малым›

В Петербурге знали об этом проходимце, но опасным е не считали, тем более что Степан Малый, захватив власть Черногории, совсем стал равнодушен к престолу всероссийском и начал жить да поживать в Цетинье, повидимому совсем з был, за множеством других дел, что он, между прочим, еще император Петр III.

Долгоруков, приехав в Цетинье, пишет о себе, будто бы прочел на скупщине (народном собрании) письмо Екатерин призывающее восстать против турок, будто уличил Степана самозванстве, будто Степана он низверг и запер в тюрьму, потом якобы сам же его снова восстановил на черногорско правлении, ибо убедился, что Степан при всех своих порок умнее своих подданных, так как понимает его, князя Долгор кова, а прочие черногорцы даже ничего не смыслят в русско языке и т. д. и т. д.

Все эти несуразные и нескладные выдумки Долгоруков увенчиваются окончательной бессмыслицей: Долгоруков, будт

бы, восстановив Степана Малого и вернув ему бразды правления, взял с него торжественную клятву, что он будет верой и правдой отныне служить императрице Екатерине, и за это обещание уже авансом дал Степану чин русского офицера. Сам же Юрий Владимирович удостоверился, что Порта Оттоманская пообещала пять тысяч червонцев тому, кто его, Долгорукова, убьет. А посему Долгоруков, не теряя золотого времени, отбыл из Черногории навсегда.

Одним словом, абсолютно ничего из его миссии не вышло, если не считать награды, которую он получил из Петербурга на основании, очевидно, его же собственного бесстыдного лганья. Мы дальше еще увидим, что он лгал и хвастал также и своей мнимой ролью перед Чесменским боем.

Итак, черногорское дело графа Орлова провалилось. Но оставалась еще надежда на греков — как балканских (больше всего на юге, в Морее), так и островных. Здесь шансы казались более благоприятными, потому что могли помочь русские десанты.

Больше всего надежд Орлов возлагал на так называемых «майнотов» — греческое племя, населяющее горы Южной Мореи. Эти воинственные горные кланы, с которыми трехсотлетнее владычество турок ничего не могло поделать, часто совершали набеги, облагали иной раз данью города и села равнинной Мореи и укрывались в своих горных недоступных ущельях.

Русский флот, по приказу Орлова, выйдя из Порт-Магона, прибыл 18 февраля 1770 года в порт Витуло (в шканечном журнале Спиридова этот порт именуется Виттуло), расположенный как раз в местности, населенной этими воинственными майнотами.

Началась высадка русских войск и постройка галер. Восстание против турок местного населения началось почти немедленно, хотя сначала и сосредоточивалось больше всего около порта. Заложены были батареи на берегу; флот частично крейсировал и приводил захваченные купеческие корабли, везшие грузы в Турцию. К флоту присоединялись добровольно кое-какие греческие суда.

Между тем, высадившиеся русские отряды углубились в страну. К ним присоединилось немало греков (майнотов), жа-

завшихся очень хорошими воинами. Капитан Барков, команду
таким сводным отрядом из 600 русских и 500 майнотов, обра
тил в бегство три тысячи турок и занял главный город Ма
ны — Миситрию (на месте древней Спарты), а вскоре сдала
ему и крепость, где турки отсиживались всего девять дней.

При сдаче крепости русские вели себя вполне гуманно,
греки учинили страшную резню. Майноты, не знавшие законо
войны, свято соблюдаемых между образованными народами,
ослепленные успехом, предались остервенению и с совершенн
бесчеловечием начали резать и убивать беззащитных турок, му
чин, женщин и детей. Капитан Барков с русскими солдата
«с величайшим самоотвержением старался прикрыть и защити
турок, но без успеха: греки перебили их более тысячи чел
век»,— пишет в своем дневнике Грейг. Барков спас все же мно
турок, но «остервенение майнотов было до того велико, что
начали стрелять из ружей по русским часовым». Город бы
дочиста разграблен майнотами.

Отряд Баркова быстро увеличился после взятия Миситр
и дошел до восьми тысяч человек. Майноты, присоединившис
к русским, оказались очень мало способными к русской дисц
лине. Продолжая поход, Барков подошел к городу Триполи
но здесь турецкий гарнизон, узнав о страшной участи турок
Миситрии, решил сражаться до последней капли крови. Про
изошла битва, в которой майноты были разбиты наголов
бросились наутек, оставив русских без всякой помощи. Русск
после тяжких потерь пробились в небольшом количестве к Мр
ситрии, которую удержали в своих руках. Так же, в общ
безрезультатными были и поиски другого маленького русск
отряда князя Долгорукова, вернувшегося уже из Черного

Не успел Долгоруков как следует начать свои поиски,
ему велено было идти к крепости Наварино. Дело в том,
адмирал Спиридов решил овладеть этим удобным порт
чтобы здесь расположить надолго русский флот. Он ре
осадить Наварино с суши и с моря. 24 марта 1770 года бри
диру артиллерии Ганнибалу было велено с двумя с
раблями («Св. Януарий», «Три святителя») и одним фрега
(«Св. Николай») идти в Наварино.

Войдя в залив, Ганнибал открыл артиллерийский обст

крепости, и турецкий губернатор сдал город и крепость на капитуляцию. 10 апреля русские войска заняли Наварино.

Так впервые Наваринский порт вошел в летописи русских военно-морских побед, задолго до знаменитой битвы 1827 года. Как известно, Пушкин очень гордился подвигом своего деда, и, говоря об арапе Петра Великого Абраме, великий поэт писал: «...И был отец он Ганнибала, пред кем, средь гибельных пучин, громада кораблей вспылала и пал впервые Наварин».

Наваринский порт стал временно базой русского флота. Но осаду с других укреплений (в Короне, в Модоне) пришлось снять, так как турки прислали на помощь гарнизонам многотысячные подкрепления.

14 апреля 1770 года из Ливорно в Корону (порт был в русских руках, а крепость — в турецких) прибыл Алексей Григорьевич Орлов, приведший с собой один линейный корабль («Три иерарха»), один фрегат («Надежда»), один пакетбот и несколько более мелких судов. Орлов решил немедленно свезти с берега на корабли артиллерию «и все тяжести», и 18 апреля весь русский флот был уже в Наварино, куда вскоре подтянулись и сухопутные войска, пошедшие берегом.

Порт Наварино сделался центром, где сосредоточились все русские силы. Попытка Орлова овладеть Модоной не удалась: сухопутных сил у нас было слишком мало, а константинопольское правительство в панике снимало лучшие войска с других фронтов и посылало их в Морею против русского десанта и против восставших майнотов. С этой точки зрения действия русских десантов в Морее, при видимой своей безрезультатности на этом фронте, принесли существенную военную пользу, облегчив положение войск Румянцева в северных владениях Турции. Но о занятии морейского побережья думать уже не приходилось.

Положение русских в Наварино становилось довольно критическим. Новые и новые турецкие войска прибывали в Морею и сосредоточивались в Модоне, совсем недалеко от Наваринской бухты.

С начала мая положение значительно ухудшилось. Совсем обстрезав Наварино и русский флот в бухте от всякой возмож-

ности получить провиант с суши, турки вдобавок испо
тили водопровод, снабжавший город водой. Умножились пр
знаки постепенного приближения большой турецкой армии. В
род явился один грек, принесший известие, что большой туре
кий флот из 12 линейных кораблей, нескольких фрегатов и б
лее мелких судов собирается напасть на русскую эскадру.

Орлов, Спиридов и Грейг решили, взорвав Наваринску
крепость, выйти в море и дать генеральный бой турецки
судам.

Но еще раньше, чем они привели свое решение в испол
ние, греческий лазутчик принес новую, на этот раз радостну
весть: русский контр-адмирал Эльфинстон прибыл в Колокин
скую бухту (с восточной стороны мыса Матапан, в Морее)
тремя линейными кораблями (80, 66 и 66 пушек), двумя фре
тами (32 и 32 пушки) и несколькими транспортами, на котор
находились сухопутные войска.

VI

Эльфинстон решил уже на другой день после своего при
да в Колокинфский залив пойти разыскивать турецкий флот
котором он узнал от греков, едва только причалил. 12 мая
снялся с якоря и направился в залив Наполи-ди-Романья,
находился весь турецкий флот, собиравшийся выйти из зал
Наполи-ди-Романья. Эльфинстон не устрашился немедле
атаковать турок, хотя для первого удара у него было в распо
жении всего 3 линейных корабля и 2 фрегата, а у турок, ко
рыми командовал высший начальник флота капитан-паша, бы
10 линейных кораблей, 6 фрегатов и каравелл и неско
ко гребных галер и судов. Русские открыли стрельбу, но ту
не приняли боя и поспешили укрыться в Наполи-ди-Рома
под прикрытие береговых батарей.

Им это удалось потому, что внезапно наступил штиль
русские корабли оказались совершенно иммобилизованными
турецкие суда были отбуксированы гребными судами в
бину залива, к берегу. У русских в тот момент гребных с
не оказалось.

Всю ночь с 16 на 17 мая и утром 17-го продолжалось
бегство турецкого флота от противника, в четыре раза м
сильного. Но этим дело не кончилось. С 5 часов дня 17

задул слабый ветерок, и русская эскадра все-таки вошла в залив и снова атаковала неприятеля. Подтянулись к передовым двум кораблям еще и остальные суда, и перестрелка возобновилась.

Но Эльфинстон полагал, что при его слабых силах ничего существенного предпринять нельзя против турецкого флота, защищаемого береговой артиллерией.

Он велел своей эскадре отойти к выходу из залива и здесь как бы блокировать турок, стоявших в глубине залива. Тотчас же Эльфинстон послал одно из мелких судов, бывших в его распоряжении, в Наварино к Орлову с сообщением и стал ждать подхода всего русского флота.

Орлов из этого сообщения узнал не только о положении вещей перед Наполи-ди-Романья, но и о той ошибке, которую допустил Эльфинстон, едва только прибыв в Колокинфскую бухту. Правда, намерения Эльфинстона были самые похвальные: он поспешил послать тогда сухим путем отряд привезенных им войск в Наварино, на помощь Орлову. Но, во-первых, Орлов вовсе не так уж нуждался в этой выручке, а во-вторых, по условиям местности войска и не могли никак дойти благополучно. Орлов поэтому прежде всего послал Спиридова с транспортными кораблями в Рапилу (где Эльфинстон высадил отряд) с приказом немедленно взять этот отряд на суда. А затем Спиридову было приказано идти на соединение с Эльфинстоном, сторожившим турок у выхода из залива Наполи-ди-Романья. Полный штиль страшно мешал и задерживал. Только 22 мая Спиридов соединился с Эльфинстоном.

24 мая оба адмирала решили открыть погоню по выходившему из залива турецкому флоту. Но турки уходили быстро и, кроме довольно безрезультатной перестрелки двух передовых русских кораблей с пятью отставшими турецкими, ничего из этой погони не получилось.

Спиридов был очень раздражен. Он обвинял Эльфинстона в нерешительном образе действий и утверждал, что можно и должно было атаковать турок еще тогда, когда они стояли в глубине залива.

С этого времени, т. е. с 25 мая, почти месяц длится эта погоня русских за убегающим флотом капитана-паши. Любопытно

отметить, что турецкие суда ничуть не уступали русским ни достоинствам своей постройки, ни по силе артиллерии.

Но не могло быть и речи о сравнении личных качеств ч ловеческого материала. Турецкие матросы были терпеливы крабры, однако, как матросы, в большинстве случаев никуда годились. Греческие матросы в турецком флоте понимали мо ское дело и морскую службу, но умирать во славу Аллаха пророка его Магомета не испытывали ни малейшего желан и не отличались стойкостью. Албанцы, далматинцы, западны славяне были, как матросы, не хуже греков, отличались да большей выносливостью, но, как и греки, не очень охотно ср жались против русских, пришедших, как они полагали, воева против их исконных угнетателей. Если плох и обыкновен сомнительно настроен был личный состав команды, то с верхо ным руководством дело обстояло совсем неутешительно. Туре кие капитаны не очень много смыслили в своем деле и боль были склонны к морскому разбою. Правда, в свободное от эт занятия время они пытались проводить ученье матросов, мало что из этого выходило.

Французы пробовали (уже с начала, а особенно со сре ны XVIII века) посылать инструкторов в турецкий флот. министр Людовика XV Шуазель мог убедиться, что эта пос ка инструкторов приносит турецкому флоту еще мень пользы, чем посылка Дюмурье и французских офицеров на мощь войскам польских конфедератов.

Бились, бились эти инструктора, но ничего поделать могли. Турецкий командир склонен был считать свой кораб так сказать, замкнутым хозяйством, самостоятельной эконом ческой единицей, вроде феодального поместья, где капитан феодал, матросы — его крепостные, доставляющие ему до как из утаиваемых сумм, отпускаемых на их содержание, и своим деятельным участием в корсарстве или даже в прям пиратских нападениях на торговые суда всех наций — и дру ственных, и враждебных, и нейтральных. Совсем не похожи на общую массу турецких матросов оказались русские моря вписавшие в русские летописи славное имя Чесмы.

Боевой дух среди моряков, который держался там по т диции со времен Петра I, сразу же воскрес, едва только разн

лись слухи о желаньи государыни непременно воссоздать большой военный флот, едва только начались многочисленные командировки морской молодежи в Англию для обучения. «На сих днях,— писал Дубровский С. Воронцову 14 января 1763 года;— прибыли сюда [в Лондон.— *Е. Т.*] офицеры из Морского Кадетского Корпуса, присланные для обучения навигации и Аглинского языка числом до 10, а другие 10 еще в дороге; все имеют быть разосланы на разных кораблях в разные земли. Однако они все желают ехать в такую, где бы можно было драться, и все единогласно охоту к тому объявили. Но как им сказано было, что мир заключен между англичанами, французами и гишпанцами, и трудно найти случаи к драке, они весьма опечалились и сожалели, что больше не дерутся» [1].

Когда такой «случай» подвернулся, то отбоя не было от офицеров, просивших о назначении на эскадры, отправлявшиеся под общим командованием Алексея Орлова в Архипелаг. И, придя в Архипелаг, они покрыли русский флаг славой.

Эскадры Спиридова и Эльфинстона стояли в Рафти, ждали известий о том, куда направится главнокомандующий граф Орлов из Наварина, а пока жестоко между собой ссорились. Спиридов выражал свое неудовольствие по поводу недостаточно энергичных действий Эльфинстона, а тот полагал, что он Спиридову не подчинен и что Спиридов не имеет права делать выговоры.

Виновата была, отчасти, Екатерина: отпуская флотоводцев в далекое, трудное и опасное плавание, она склонна была давать им слишком широкие полномочия и лестные напутствия и инструкции, и это кружило им головы и сбивало иногда с толку. Так было с Эльфинстоном, так было впоследствии и с датчанином Арфом. Иностранцы склонны были слишком всерьез принимать любезности, которыми Екатерина Алексеевна осыпала их при проводах.

Во всяком случае, когда Алексей Орлов покинул 26 мая Наварино и после двухнедельных поисков встретился, наконец, 11 июня с эскадрами Спиридова и Эльфинстона, то он мигом навел полный порядок. Орлов заявил, что рассматривать пре-

---

[1] А. Дубровский — С. Р. Воронцову. 14 (25) Генваря 1763.— Архив князя Воронцова, кн. XXXIV, М., 1888, стр. 287, № 7.

рекания обоих адмиралов не желает, а берет общую коман над всем соединившимся флотом на себя и поднимает на кораб «Три иерарха» свой флаг.

Соединенный флот пошел к острову Паросу, где Орло узнал, что три дня назад здесь побывал турецкий флот ушел в неизвестном направлении.

Началась погоня. У Орлова в этот момент было 9 линей ных кораблей, 3 фрегата, 1 бомбардирский корабль, 1 пакетбо 3 пинка и еще 13 более мелких судов [1].

Федор Орлов писал 26 мая Екатерине, что «он со Спир довым в подкрепление Эльфинстону гоняется за турецким фл том, который после двух ошибок бежит сломя голову от ни но они его добудут, хотя бы то было в Цареграде» [2].

Турецким флотом командовал Ибрагим Хосамеддин, назн ченный на пост капитана-паши (капудан-паша, как произно ли турки) за два месяца до той поры, 26 апреля 1770 год Это был совершенно ничтожный человек, ничего не смысли ший в морском деле и притом превеликий трус. Фактически вождем флота при нем стал Гассан по прозвищу Джесайр из Алжира, человек очень способный, храбрый, хороший м ряк. Вообще, лучшими моряками турецкого флота были ли далматинцы, либо берберийцы, под каковым термином тог понимались не только марокканцы, но и алжирцы и тунисц

Когда преследуемый русской эскадрой турецкий флот ост новился в проливе между островом Хиосом и малоазийски берегом, то Гассан решил принять бой в этом месте. Капита паша, вследствие напавшего на него непобедимого страха, р шил, что он на своем адмиральском корабле во время предсто щего боя не останется, и съехал на берег, заявив, что долж инспектировать береговые батареи. Командование эскадрой п решло поэтому к Гассану.

Турецкий флот был значительно сильнее русского как п количеству судов, так и по их артиллерийской мощи. Кораб

---

[1] А. Соколов. Архипелагские кампании. Записки Гидрографи ского департамента Морского министерства, т. VII, СПб., 1849, с 281—283.

[2] Архив древних актов. 1770—1775. Переписка с графом Н. И. Пр нины м. Екатерина — Панину. Августа 11 числа 1770 г.

капитана-паши был стопушечным, кроме него один корабль имел 96 пушек, четыре — по 84 пушки, два — по 74 пушки, семь — по 60 пушек, два — по 50 пушек, два — по 40 пушек. Кроме этих крупных судов было несколько более мелких.

Передовая линия турок состояла из десяти крупнейших кораблей. Вторая линия состояла из семи линейных кораблей, двух 50-пушечных каравелл и двух 40-пушечных фрегатов, говорит Грейг, утверждающий, что «турецкая линия баталии была превосходно устроена, расстояние между кораблями было немного более длины двух кораблей».

Но турецкое высшее морское командование умело расставить свои суда к бою, однако оно решительно неспособно было руководить ими в бою. Начать с того, что капитан-паша почел благоразумным перед боем съехать на берег и оттуда уже не показывался, пока шла битва.

Вместо него командовал храбрый моряк Гассан-паша. Но и он, повидимому, не очень надеялся на свои маневренные способности, а в простоте главной целью своей ставил истребление русского флота ценою хотя бы потери соответствующего числа турецких судов, после чего, по всей силе арифметики, у более многочисленного турецкого флота все же кое-что останется. Вот и все! «Флот вашего величества многочисленнее Русского флота,— сказал Гассан-паша султану еще при отъезде из Константинополя,— чтобы истребить Русские корабли, мы должны с ними сцепиться и взлететь на воздух, тогда большая часть вашего флота останется и возвратится к вам с победою» [1].

Склонный к хвастовству князь Юрий Владимирович Долгоруков рассказывает, будто именно он тоже сыграл решающую роль в совете, где нужно было убеждать Орлова «искать турецкого флота и его атаковать». «Мы с Грейгом решительно сказали», что нужно атаковать. Это «мы с Грейгом» — любимая формула князя Долгорукова. И еще любит он так выражаться: «Тут опять Грейг со мной посоветовался, как турецкий флот истребить» и т. п. Но, к счастью, у нас есть подробное описание всего похода, принадлежащее правдивому перу

[1] [А. Я. Глотов] Чесменский бой. «Отечественные записки», часть третья, 1820, № 5, стр. 57. (Статья Глотова, составленная отчасти по устным рассказам и показаниям участников.)

самого Грейга, и там мы не находим ничего такого, что могло бы подтвердить слова Долгорукова — ни о влиянии Долгорукова на решение Орлова, ни о советах, которые якобы испрашивал Грейг у князя Юрия Владимировича.

Замечу, что, рассказывая свои небылицы, князь Юрий Владимирович иногда чувствует, что он слишком уже увлекается, и тогда пробует смягчить возможное неудовольствие читателя и предупредить зарождение нежелательного скептицизма. Долгоруков пишет: «Накануне атаки Грейг ко мне подошел и просил, чтобы я взял команду над кораблем «Ростиславом». Написав это, князь, совершенно очевидно, спохватился, что ведь еще живы некоторые участники событий (хотя повествовал он в 1817 году, т. е. спустя уже 47 лет после боя),— эти участники могут сказать, что не только этого предложения со стороны Грейга не было, но и быть не могло. Статочное ли дело, чтобы Грейг ни с того, ни с сего сменил превосходного опытного, храброго моряка, сжившегося со своей командой, капитана корабля «Ростислав» Лупандина и назначил бы на его место, да еще в такой смертельно опасный момент, Долгорукова, никогда даже шлюпкой не командовавшего, да и на сухом пути не очень-то нужного? И вот Долгоруков идет на уступки читателю. «Я сперва засмеялся, что он находит меня способным к морской части, но он зачал меня убеждать, и я переехал». Долгоруков не знал, что будут в свое время опубликованы собственные записки Грейга и что там ни единого звука не будет об этом фантастическом «назначении». Да и вообще при рассказе о морских действиях Грейг даже и имени Долгорукова ни разу не произносит. Все это мы считаем нужным тут отметить, чтобы доказать, что решительно ошибаются те, кто придает записке Долгорукова значение «источника» в тех случаях, когда нет материалов, чтобы его проверить. Ведь не всегда же возможно обнаружить его фантазерство так убедительно, как в данном случае. Он сам «засмеялся» над хвастливой своей ложью, остается это сделать и читателю. Кстати напомним, что Лупандин, доблестный командир «Ростислава», не только остался до, и во время, и после боев 24 и 26 июня полновластным начальником своего линейного корабля, но и особенно отличился во время боя и наравне с Хметевским, командиром «Трех свя-

телей», наравне с Крузом, командиром «Евстафия», был награжден за особые заслуги в эти дни офицерским «Георгием».

В «Русской старине» (сентябрь 1889) напечатаны якобы «полностью» записки Ю. В. Долгорукова, раньше уже опубликованные в «Сказаниях о роде Долгоруковых». Редакция «Русской старины» без всяких оговорок и оснований позволила себе делать сокращения и, например, совсем пропустила цитату, приводимую тут нами и помещенную и в «Сказаниях», и в 1849 г. в VII части «Записок Гидрографического департамента» (о том, как сам Ю. В. Долгоруков «засмеялся» и т. п.). В тексте «Русской старины» вследствие этого произвольного пропуска целой фразы получилась полная бессмыслица: «Накануне атаки Грейг ко мне подошел и просит, чтобы я взял команду над кораблем Ростиславом, но он зачал меня очень убеждать, и я переехал на Ростислав». Здесь это «но» лишено всякого смысла именно потому, что пропущена указанная фраза. Не довольствуясь этими искажениями текста, редакция «Русской старины» еще почтительно рекомендует Ю. Долгорукова как «одного из достойнейших сподвижников Екатерины» (стр. 481).

Мы остановились тут на этих записках князя Ю. В. Долгорукова, чтобы предостеречь читателя от доверия к ним. В том-то и был один из вреднейших пороков русской дореволюционной историографии, что ею без тени критики часто принимались свидетельства именитых карьеристов, лгавших напропалую, и без всяких затруднений эти преуспевавшие аристократы возводились в ранг «сподвижников» при рассказе о великих исторических событиях вроде Чесменского боя. А когда хвастливое лганье этих знатных мемуаристов уже превосходило всякую меру, тогда благосклонные и благожелательные историки порой просто фальсифицировали тексты, стыдливо опуская (без всяких оговорок и объяснений) наиболее неудобные места, слишком уж обличающие автора в фантазерстве. Князь Долгоруков захотел похитить славу одного из настоящих чесменских героев, худородного капитана «Ростислава» Лупандина, а типичный средний представитель старой историографии редактор «Русской старины» Михаил Семевский совершенно напрасно ему в этом деле решил помочь.

На этом с Ю. В. Долгоруковым мы и покончим.

В своем донесении Екатерине о Чесме граф Орлов пишет, что, увидев 24 июня перед собой 16 турецких линейных кораблей, 6 фрегатов, несколько шебек, бригантин «и множество полугалер, фелук и других малых судов», он «ужастнулся», но в конце концов «решился».

Это Алексей Григорьевич явно порисовался, желая внушить Екатерине, до какой степени грозно было положение, из которого, однако, удалось столь победоносно выйти.

Но, конечно, требовалась и от командиров и от экипажа русской эскадры в самом деле большая отвага, чтобы атаковать неприятеля, далеко превосходившего своей материальной частью русский флот.

Своим боевым духом русские моряки превзошли врагов и победили. «Англичане, французы, венециане и мальтийцы, живые свидетели всем действиям, признавалися, что они никогда не представляли себе, чтоб можно было атаковать неприятеля с таким терпением и неустрашимостью» [1]. Еще 23 июня, накануне боя, Алексей Орлов подписал приказ, из которого видно, что он определенно не считал возможным снабдить свою эскадру наперед диспозицией: «По неизвестным же распоряжениям неприятельского флота, каким образом оной атаковать, диспозиция не предписывается, а по усмотрению впредь дана быть имеет».

В «линии баталии» выстроились девять линейных кораблей (восемь по 66 пушек, один — «Святослав» — 84 пушки) и семь фрегатов.

В «авангарде» было три корабля и один фрегат; командование авангардом было поручено адмиралу Спиридову (на корабле «Евстафий»); в среднем ряду, «кордебаталии» — три корабля и три фрегата, командир «кордебаталии» Грейг, на корабле «Три иерарха»; на том же корабле верховный командир эскадры граф Алексей Орлов; в «арьергарде» — три корабля и три фрегата, командир арьергарда контр-адмирал Эльфинстон, на корабле «Святослав» [2].

Кроме этих трех командиров, командовавших тремя частями

[1] В память Чесменской победы. Сборник документов, Одесса, 188 стр. 9.

[2] Там же.

флота и подчинявшихся непосредственно графу Орлову, было еще особое и тоже непосредственно Орлову подчиненное лицо — начальник всей артиллерии эскадры цейхмейстер Ганнибал.

VII

С корабля «Не тронь меня», повидимому, прежде всех увидели более или менее отчетливо стоящий вдали в бухте и перед бухтой неприятельский флот и насчитали 18 судов. Если считать лишь линейные суда, то ошиблись: их было не 18, а 16; если же брать и фрегаты, и корветы и т. д.,— то турецкий флот был гораздо многочисленнее, а с более мелкими судами насчитывал от 60 до 67 вымпелов.

На корабле «Три иерарха» Грейг поднял сигнал «гнать за неприятелем».

В восьмом часу утра «Три иерарха», «Не тронь меня» и «Святослав» взяли курс на неприятеля, а в начале 10-го часа утра последовал приказ «Януарию», «Ростиславу», бомбардирскому судну «Гром» идти по тому же курсу. Затем тронулись «Три святителя»; корабль «Европа» не вступал в линию и шел впереди. К полудню почти весь русский флот уже очень сильно приблизился к туркам.

В 11 час. утра 24 июня граф Орлов дал сигнал: всему флоту атаковать неприятеля.

Через полчаса после сигнала началась сильная канонада турок по нашему приближающемуся к ним флоту. Шедший в авангарде адмирал Спиридов атаковал первым, за ним вступила в бой «кордебаталия». Что касается арьергарда, которым командовал Эльфинстон, то он оставался некоторое время вдали. Первыми напали на турецкий линейный корабль «Реал-Мустафа» (где находился сам капитан-паша) русские линейные суда «Европа» и «Евстафий». «Реал-Мустафа» вскоре загорелся от русского артиллерийского огня. Команда в панике бросилась в море, чтобы вплавь добраться до берега. Но тут русских постигла большая неудача: «Евстафия» течением нанесло прямо на горящего ярким пламенем «Реал-Мустафу», и никакими усилиями нельзя было удержать его от этого гибельного сближения. Когда «Евстафия» прибило окончательно к «Реал-Мустафе», русские матросы и армейский отряд бросились на абор-

даж и перебили турок, еще находившихся на борту пылающего судна. Но тут горящая грот-мачта турецкого корабля вдруг рухнула прямо на «Евстафия», и так как крюйт-камера была открыта (для пополнения артиллерии порохом и снарядами во время боя), то горящие головешки попали в нее. Раздался оглушительный взрыв, и «Евстафий» взлетел на воздух. Спустя несколько минут был взорван и «Реал-Мустафа».

Сражение продолжалось с большим упорством со стороны русских. Турецкий огонь направлялся не очень умело, но совсем худо обстояло у турок с маневрированием. Громадный стопушечный корабль капитана-паши (так и называвшийся «Капитан-паша») был атакован «Св. Януарием» и «Тремя иерархами» и беспощадно обстреливался ими, и турки решили увести его прочь. Начали поспешно обрубать канаты, но это делалось в такой панике и растерянности, что забыли перерубить шпринг. По показанию Грейга, «корабль [турок.— *Е. Т.*] поворотился кормой к «Трем иерархам» и оставался в таком положении около четверти часа». Это позволило «Трем иерархам» в упор продольными выстрелами нанести «Капитану-паше» страшнейшие повреждения «без малейшего для себя вреда»[1].

После этого на турецких судах стали самым спешным образом обрубать якоря, и турецкий флот обратился в бегство, осыпаемый русскими ядрами и брандскугелями. Турки бежали в беспорядке, сбиваясь в кучу, устремляясь к каменистому берегу Чесменской бухты («Сисьмы», как русские тогда еще ее называли). Алексей Орлов до самого конца боя не знал, жив ли его брат Федор, находившийся на погибшем «Евстафии». Только по окончании боя он узнал, что Федор находится в числе немногих спасшихся. На «Евстафии» погибло, по первоначальным подсчетам, 34 офицера и 473 солдата и матроса, спаслось 58 человек. Всего же русские в этот день потеряли убитыми 523 человека[2]. Таким образом, если не считать погибших при взрыве «Евстафия», потери были равны всего

---

[1] Собственноручный журнал... С. К. Грейга. Цит. изд., 1849, декабрь, стр. 805.

[2] А. Соколов опубликовал несколько иные данные архива Гидрографического департамента (см. VII ч. «Записок Гидр. деп.»): 628 человек погибших и 63 спасшихся на корабле «Евстафий».

16 человек убитыми. Малое число убитых русские командиры объясняли неумелой расстановкой турецких орудий, которые «были наведены слишком высоко и стреляли только по рангоуту, повреждали мачты, реи и перебивали снасти». Таким образом, например, на корабле «Три иерарха», который стоял на якоре совсем близко («менее одного кабельтова») от неприятельского флота, был только один раненый, а в каждую из нижних мачт попало по два ядра, перебиты были почти все ванты как у грот-мачты, так и у фок-мачты. На других кораблях наблюдалось то же самое: ничтожные потери в людях и довольно большие материальные повреждения.

Весь этот бой 24 июня продолжался лишь около двух часов. Точнее было бы сказать полтора часа, потому что в последние полчаса не было уже сражения в точном смысле слова, а шла лишь погоня за поспешно убегавшими турками, на всех парусах спасавшимися в Чесменскую гавань.

Вот что написали немедленно в своем лаконичном шканечном журнале наблюдатели, смотревшие с флагманского корабля «Три иерарха» на гибель «Евстафия». Любопытно, что в самой записи «местечко» еще именуется «Сезмит», а в заметках на полях, сделанных почти в то же время, уже «Чесмой». Сохраняем орфографию и пунктуацию (точнее — отсутствие пунктуации):

«В начале первого часа адмиральский корабль «Евстафий» сошелся борт с бортом с неприятельским адмиральским кораблем после чего в море неприятельской адмиральской корабль загорелся причем видно что с оного турки бросались в воду тогда у нас был сигнал чтоб прислать от всего нашего флота вооруженные шлюпки которые и посланы были и с нашим к нашему адмиральскому кораблю Евстафию для спасения людей потом и наш адмиральский корабль Евстафий загорелся так жестоко, что после вдруг взорвало все на нем и на неприятельском корабле в тож

Посланы со всех наших кораблей шлюпки для спасения людей с корабля Евстафия.

Подшед мы близ к неприятельскому флоту начали палить из пушек с ядрами, поворотили мы оверштаг привезен к нам с корабля Евстафия капитан Крюйз и протчие.

время подходя мы близ неприятельского флота стали палить из пушек ядрами, что происходило и с протчих нашего всего флоту кораблей, в 2 часа поворотили мы овер штаг на левой галс в тож время привезено к нам на корабль с сожженного корабля Евстафия на нашей шлюпке господин капитан Крюйз и протчих офицеров 4 человека и закрепили у нас грот марсели и крюсель, в 1/4 4-го часа подошед мы вблизость стоящих на якорях неприятельских кораблей в местечке Сезми от оных к N в недальнем расстоянии закрепили фок марсель легли на якорь Дагликс на глубине 27 сажень грунт песок канату отдано до 50 сажень притом пеленги мыз Калаберия протекающаяся к N оконечность NO 25°00′ местечко Сезме где неприятельской флот стоит на якоре ZO 50°00′ от него к W оконечность ZW 43°00′ к оной мыз Блинник через остров Пазарву ZW 60°00′ острова Спалчей Тора середина NO 3°00′ поставленная веха от местечка Сезми к WZW 3°00′, в тож время приехал к нам на корабль его сиятельство граф Федор Григорьевич Орлов и его высокопревосходительство господин адмирал и кавалер Григорий Андреевич Спиридов, цейхмейстер Ганибал стоящий на якоре корабль Европа и контр-адмиральской корабль прошед нас к ZW фрегат Африка бомбардирской Гром легли на якорь»[1].

Подошли мы к неприятельскому у местечка Чесмы флоту лежащему на якорях легли севернее его на якоре.

У местечка Чесмы против турецкого флота, пеленг с якоря Чесменского

Командовал на «Евстафии» капитан 1-го ранга Александр Иванович Круз. Это был опытный храбрый и ученый

[1] ЦГАВМФ, фонд: Шканечные журналы, № 950, 1769—1770. Запись 24—26 июня 1770 г.

моряк. Еще мичманом, 18 лет, он был отправлен в Англию, где в течение восьми лет теоретически и практически изучал службу и плавание в военном флоте. Он участвовал в Семилетней войне и был ранен под Кольбергом. В 1769 году он получил в командование линейный корабль «Евстафий», и именно на «Евстафии» поднял свой флаг адмирал Спиридов. В разгаре боя 24 июня в Хиосском проливе капитан Круз напал на корабль самого капитана-паши.

Артиллерийский обстрел турецкого судна сначала ядрами, а потом брандскугелями привел к тому, что турецкий корабль загорелся. И тут, к несчастью, вдруг наступил полный штиль и течением, довольно сильным в этом проливе, «Евстафия» прямо понесло на горящий корабль «Капудан-паша». Русские гребные суда, окружившие «Евстафия», делали все, что в силах человеческих, чтобы отбуксовать «Евстафия» от горящего корабля и этим спасти его. Но ничего не выходило: «Евстафия» упорно несло на турок. С адмиральского корабля «Три иерарха» были посланы еще и еще гребные суда, но они ничего не могли поделать. Когда «Евстафий» борт-о-борт сблизился с турецким кораблем, то турецкие матросы и солдаты, при первом же взгляде на начавших вскакивать к ним русских, в полной панике стали бросаться в воду. Наблюдая с палубы «Трех иерархов» за тем, что происходит, Алексей Орлов, который сначала хотел идти на помощь «Евстафию», приказал остановиться: он уверился, что турецкий корабль уже взят. В сущности он и не ошибся: оставшиеся на корабле турки прекратили сопротивление и сдались.

Но другой, непреодолимый враг погубил «Евстафия» в самый момент торжества. Огонь вырывался отовсюду на турецком корабле, и тушить его стало немыслимо. Капитан Круз перед лицом грозной беды велел немедленно заливать крюйт-камеру на «Евстафии», и нужно было несколько минут, чтобы исполнить это приказание. Но судьба не дала этих нескольких минут: не успели матросы броситься к крюйт-камере, как вдруг огромная пылающая грот-мачта турецкого корабля рухнула и, перевалив через свой борт и через борт «Евстафия», упала на палубу русского корабля. Искры и головешки попали в крюйт-камеру... Раздался страшный взрыв, и вся

верхняя часть «Евстафия» взлетела на воздух. Корабль в несколько минут исчез под водой.

Капитана Круза силой взрыва швырнуло в воздух и бросило затем в море. Он был изранен и сильно обожжен, но у него хватило силы доплыть до обрубка мачты, и это спасло его. Круза подобрало русское гребное судно [1]. Он был из числа очень немногих, случайно спасшихся; почти все, кто не оставил «Евстафия» до взрыва, погибли.

Чесменская победа, между прочим, дала также русскому флоту возможность немедленно восполнить потерю «Евстафия» в предшествовавшем Чесме бою 24 июня: приказом графа Алексея Орлова от 29 июня в состав флота был включен взятый при Чесме (единственно не сгоревший) турецкий шестидесятипушечный корабль «Родос», и его командиром назначен спасшийся с «Евстафия» капитан 1-го ранга Круз.

После гибели взорвавшегося почти немедленно после «Евстафия» (и уже давно горевшего) корабля «Реал-Мустафа» турки стали уходить к востоку. Ветра было очень мало, и поэтому турки старались отбуксовать свои корабли при помощи гребных галер. Русские шли за ними. «На корабле «Трех иерархов» учинен сигнал, чтоб гнать за неприятелем, пальбу производя беспрерывно, а неприятельские корабли, по тихости ветра, стали буксоваться имеющими при них шебеками и галерами... В половине 2-го часа видно нам — неприятельские корабли, приходя в бухту под местечко Чесму, легли на якоря»,— читаем в шканечном журнале корабля «Не тронь меня» об этом конечном моменте морского боя 24 июня в Хиосском проливе [2].

С того момента, когда русские во второй половине дня 24 июня увидели повальное, беспорядочное бегство неприятеля по направлению к Чесменской бухте, Орлов, Спиридов, Грейг и Эльфинстон решили, что они турецкие суда из бухты уже не выпустят и что первый удар будет нанесен брандерами.

---

[1] П. Милюков. Материалы для истории русского флота. Адмирал Александр Иванович фон Круз. «Морской сборник», т. XVI, № 6, отд. IV, 1855, стр. 227—271.

[2] ЦГАВМФ, фонд: Шканечные журналы, № 947. Шканечный журнал «Не тронь меня», 24—26 июня 1770 г.

Цейхмейстеру бригадиру Ганнибалу было поручено изготовить к действию четыре брандера и выбрать нужных людей для руководства ими. Риск для находящихся на брандере был огромен, но Ганнибалу не пришлось долго выбирать: капитан-лейтенант Дугдэль, лейтенант Ильин, мичман князь Гагарин и лейтенант Мекензи вызвались по собственному почину на это дело.

Англичанин Томас Мекензи поступил с чином капитан-лейтенанта на русскую службу на несколько месяцев позднее Эльфинстона, в 1769 году, и за Чесму произведен в капитаны 2-го ранга на другой же день после боя (26 июня 1770 г.). Его доблестная карьера продолжалась уже в адмиральском чине в Севастополе, где он строил военный порт. Одна из высот, окружающих Севастополь, называется до сих пор его именем — Мекензеевой горой.

Весь день 25 июня ушел на приготовления. Все четыре брандера были поставлены Орловым под общую команду Грейга. Кроме брандеров, Грейгу были даны для предстоящей решающей атаки еще 4 корабля: «Ростислав», «Европа», «Не тронь меня» и «Саратов» и два фрегата: «Надежда благополучия» и «Африка». Сверх того, Грейг получил в свое распоряжение еще бомбардирский корабль; брандеры должны были начать дело, а корабельная артиллерия — докончить его. Под брандеры были назначены четыре греческих торговых судна. Целый день шли приготовления. Снаряжались брандеры, отбиралась команда для гребных судов, которые должны были подвести брандеры к неприятельским кораблям. Ведь люди и для этих гребных судов требовались такие же отборные, как и для брандеров. Минуты им предстояли жуткие.

Брейд-вымпел начальника отряда Грейга был поднят на «Ростиславе». Грейг приказал четырем брандерам уже с вечера 25 числа быть под парусами и ждать от него сигнала к нападению. Был дан приказ подвести брандеры к четырем турецким кораблям, зажечь эти брандеры, сцепивши их предварительно с неприятельскими судами, а затем прыгать с брандеров в гребные шлюпки. В отряде, порученном Грейгу, роль, ничуть не меньшую, чем самому Грейгу, суждено было сыграть Спиридову, человеку еще большей опытности, смелости, инициативы, чем был сам Грейг. Да и авторитет среди людей эки-

пажа у него был больше, чем у Грейга. Спиридов еще задолго до Чесмы снискал себе во флоте громкую репутацию.

Наступила навеки памятная ночь с 25 на 26 июня 1770 года. Море было залито лунным светом. С русских судов вполне отчетливо было видно, что́ делает турецкий флот в бухте, куда накануне он бежал под прикрытие береговых батарей. У нас тогда не знали точного названия этой бухты, называли ее Эфес, по-древнему. По голландской карте разглядели, что этот пункт называется по-голландски «Сисьма».

Русские видели в свои подзорные трубы, что турецкий флот «стоит в тесном и непорядочном стоянии»: одни носами на NW (северо-запад), другие — на NO (северо-восток), «а к нам боками, несколько ж их в тесноте стоят за своими к берегу, так, как в куче». Попытались издали сосчитать турецкие суда. Выходило: четырнадцать линейных судов, два фрегата, шесть шебек.

Неприятель оказывался сильнее. Алексей Орлов не был моряком и не мог поставить себя в ряд со Спиридовым или Грейгом. Однако он знал, что только он может взять на себя страшную ответственность за возможное поражение русской эскадры, которой негде будет, может быть, даже и отдохнуть и чиниться в случае беды. Прочной-то базы ведь не было вовсе... Не считать же было порт Аузу на острове Парос серьезной базой для большого флота.

Не впервые было Алексею Григорьевичу ставить на карту и свою жизнь, и честь, и судьбы России. До сих пор выводили энергия, вера в себя, счастье. Он решился.

«Наше ж дело должно быть решительное, чтоб оной флот победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь, в Архипелаге, не можем мы и к дальным победам иметь свободные руки; и для того, по общему совету, положено и определяется: к наступающей ныне ночи приуготовиться...»

Приготовления заключались в следующем. Были выделены корабли «Европа», «Ростислав», «Не тронь меня», «Саратов», фрегаты «Надежда» и «Африка», четыре брандера и бомбардирский корабль «Гром», причем вся эта эскадра была поставлена под непосредственную команду «бригадира и флота капитана Грейга».

Как основная задача имелось в виду сожжение неприятельского флота посредством направления на него брандеров. Каждый брандер должен был подводиться к намеченному неприятельскому кораблю десятивесельной шлюпкой. Брандер должен был сцепиться с неприятельским кораблем, после чего артиллерист, командированный на этот брандер цейхмейстером Ганнибалом, поджигает брандер, а сам вместе с командой десятивесельной шлюпки отходит к своим. Конечно, приказывалось при этом, пока брандеры не загорятся, воздержаться от артиллерийской пальбы с русской эскадры, чтобы не помешать делу. Но когда брандеры загорятся и шлюпки отойдут, тогда открыть «жестокую пальбу» по тем кораблям неприятеля, которые не подвергнутся нападению четырех брандеров. Вот, собственно, и вся незамысловатая диспозиция [1].

Все зависело от способности противника к артиллерийскому отпору русским брандерам, когда они начнут приближаться к намеченным ими турецким кораблям, и к эффективной турецкой ответной стрельбе, когда брандеры уже сделают свое дело и русские начнут обстреливать весь турецкий флот из своих орудий.

VIII

В 11 часов ночи с 25 на 26 июня на флагманском корабле Грейга «Ростислав» появился на поднятом на мачте гафеле один фонарь. Это был вопрос: готовы ли к снятию с якоря? Тотчас же на всех кораблях появилось по фонарю на флагштоке. Это был ответ: готовы. После этого на «Ростиславе» подняты были три фонаря — идти на неприятеля.

Было около 11½ часов, когда Спиридов отдал в рупор приказ капитану Клокачеву, командиру «Европы», выступить первым (вместо «Надежды», которая назначена была по диспозиции Грейга). Ни Грейг, ни Спиридов и вообще никто не дает удовлетворительного объяснения этой перемене. Что «Надежда» как-то замешкалась — это не объяснение, а суррогат объяснения. Может быть, роль тут сыграло то, что Спиридов вполне полагался на испытанного превосходного командира «Европы» Клокачева.

---

[1] В память Чесменской победы. Сборник документов, стр. 19—22.

Кораблем «Три святителя» командовал Хметевский, кораблем «Евстафий» — капитан Круз, а флагманом на нем был адмирал Спиридов. Вместе с кораблем «Европа» эти корабли и составляли тот авангард, которым распоряжался Спиридов. Но все-таки Спиридов, в сущности, не имел никакого права, вопреки приказу и диспозиции Грейга, прокричать со своего корабля в половине двенадцатого часа ночи Клокачеву, чтобы он немедленно, в одиночку шел прямо к турецкому флоту и начал бой, не дожидаясь общего наступления всей эскадры или хотя бы только ее авангарда. Но Спиридов был старше и чином и возрастом и сильнее авторитетом, чем Грейг, и мог себе позволить то, что для другого было делом рискованным.

Клокачев повиновался конечно. Очевидно, он не хотел снова нарваться на яростный окрик Спиридова: «Поздравляю вас матросом!» Этот окрик в разгаре боя 24 июня, совсем незаслуженный Клокачевым, вероятно, еще звенел в ушах капитана «Европы» ночью 25 июня. Разжалование в матросы, которым пригрозил ему Спиридов, конечно, едва ли бы его постигло, потому что он повернул свой корабль тогда исключительно затем, чтобы не наскочить на камень (согласно предупреждению своего лоцмана-грека, отлично знавшего дно).

Во всяком случае, теперь, в ночь с 25 на 26 июня, перед Чесменской бухтой Клокачев блестяще доказал свое мужество.

«Европа» в первом часу ночи приблизилась к турецкому флоту и начала артиллерийскую перестрелку. «Европа» должна была отвечать и флоту и береговой батарее, что она и делала некоторое время с полным успехом одна, но уже в течение приблизительно получаса к ней на подмогу подошли «Ростислав», затем «Не тронь меня» и два фрегата. Эти четыре судна окончательно заперли выход из бухты и вместе с тем в огромной степени усилили огонь «Европы» по флоту и по берегу. А во втором часу ночи постепенно к месту артиллерийского боя подтянулся и весь русский линейный флот. Во втором часу ночи, в разгар сражения, русский бомбардирский корабль очень удачно поджег турецкий корабль, на котором обрушилась его собственная пылающая грот-стеньга. И в этот момент Грейг дал приказ брандерам выступить. Начало дей-

ствий отряда брандеров было неудачно. Капитан-лейтенант Дугдэль на всех парусах шел к турецкому линейному кораблю, с которым хотел сцепиться и поджечь его, но ему не пришлось добраться до цели: две турецкие галеры встретили его по пути и напали на него. Дугдэль поджег немедленно свой брандер, а сам выбросился вместе с командой за борт, и они вплавь достигли русской шлюпки. Горящий брандер затонул. Вторым после брандера Дугдэля шел брандер Мекензи. Этому брандеру удалось, правда, дойти до цели, но его действия были бесполезны, потому что корабль, с которым он сцепился, уже горел, зажженный искрами и горящими головешками с соседнего пылающего турецкого корабля. Третьим брандером командовал блестящий моряк, храбрец, лейтенант Ильин.

Когда русские брандеры стали приближаться к турецкому флоту, то, по признанию самого Гассана-паши (рассказавшего это барону Тотту), турки убеждены были сначала, что это русские перебежчики, идущие добровольно сдаваться. И турки «молились о благополучном прибытии [русских судов], в то же время твердо решив заковать в кандалы [русский] экипаж и уже предвкушая удовольствие повести их с триумфом в Константинополь» [1].

Эта курьезная, нелепая ошибка помогла командирам двух брандеров, Ильину и Мекензи, превосходно выполнить свое дело.

Ильин подошел к турецкому кораблю, еще совершенно целому, приткнулся к нему бортом и зажег его. Четвертому брандеру (князя Гагарина) тоже не нашлось уже работы (как и брандеру Мекензи); турецкий флот пылал уже почти весь, подожженный русскими снарядами с судов.

Пожар в течение последнего часа боя, т. е. после двух часов ночи, быстро пожирал один турецкий корабль за другим. Гассану не удалось вывести свои суда подальше от бушующего огня. К несчастью для турок, наступил вдруг полный штиль, и паруса бессильно повисли на реях. Флот турок погиб без остатка.

Попытка Грейга взять в плен два уцелевших было корабля

[1] Mémoires du baron de Tott, t. III. Amsterdam, 1784, p. 38.

увенчалась лишь частичным успехом: один из этих кораблей, когда его уже вели на буксире к русской эскадре, загорелся от попавших в него горящих головешек; другой корабль, «Родос», благополучно был доставлен и вошел в состав русского флота.

После 3 часов ночи русские уже не стреляли, а только издали наблюдали бушующую огненную стихию и слушали последующие оглушительные взрывы, когда неприятельские суда (или, точнее, их палубы) одно за другим взлетали на воздух, а затем погружались в пучину. Несколько мелких турецких судов, спасшихся от огня, были забраны русскими. Русские моряки обратили внимание в эти последние часы, что турецкие суда горели обыкновенно «часа по два и более, прежде нежели огонь достигал до крюйт-камер их; некоторые же сгорали по самую ватерлинию и только тогда взлетали на воздух». Так пишет Грейг в своем «Журнале». Но он должен был бы прибавить, что турецкие суда горели еще гораздо дольше, чем «часа по два и более»; они горели, очевидно, даже по шести часов, потому что сам же он сообщает, что «загоревшиеся последними взлетели не ранее 9 часов утра». А русские прекратили огонь уже вскоре после 3 часов ночи. Некоторые турецкие суда были прекрасно построены, и крюйт-камеры запирались превосходно.

Утром Алексей Орлов, брат его Федор, князь Долгоруков и Грейг прошли на парусном катере по месту ночного побоища «для осмотра обгорелых остатков неприятельского флота, представлявших печальное зрелище по множеству мертвых тел, растерзанных и в разных положениях плававших между обломками». Алексей Орлов приказал подобрать в море раненых турок и «перевезти на корабль для перевязывания ран и подания возможной помощи». Нужно отметить, что в традиции русского флота уже тогда было особенно предупредительное и гуманное отношение к пленным. Это отмечают, как нечто удивительное, и турки, отнюдь не имевшие основания хвалиться тем же. Спасенных таким образом турок было «множество», и, когда здоровье их поправлялось, «большому числу из них от высочайшего имени ее императорского величества дана была свобода». Так доносил граф Орлов в Петербург.

Ничто не дает такого впечатления реальности, как сухие, совсем краткие записи о Чесменской битве, вносившиеся час за часом в эту историческую ночь на 26 июня в «Шканечные (корабельные) журналы» русских судов — и прежде всего в шканечные записи флагманского корабля «Три иерарха», где находился сам Алексей Орлов. Приводим некоторые записи, начиная с начала первого часа 26 июня 1770 г. и кончая 10 ч. дня того же числа. Сохраняем орфографию рукописи:

1 час. «Пополуночи: Ветр посредственный, небо малооблачное, светлая луна и блистание звезд, в начале часа корабль Европа стал подходя к турецким кораблям и начали с неприятельской батареи по нем палить, також и с неприятельских кораблей по нем палить, тако к 1/2 часа видимо нам корабль Европа стал на якорь и стал палить против неприятеля. В исходе часа отдали у нас марсели, триселя, после чего и протчие корабли проходя в . . . . . неприятельских кораблей и стали производить пальбу.

2 час. В начале часа от наших кораблей брошанных брандскугилей загорелся неприятельский корабль и стал распространяться огонь, в 1/2 часа нашими приуготовленными от нас брандерами из трех греческих филег зажжен еще к N неприятельский корабль. В исходе часа взорвало неприятельских два корабля, потом и протчих турецкого флоту корабли загорелись и другие мелкие суда загорелись.

3 час. В начале часа еще стоящие на N неприятельские корабли два загорели и привезли к нам капитана лейтенанта Дугдала, которого на брандере во время зажигания обшибло в воду пламенем и повредило обе ноги, в 1/2 часа взорвало еще турецкой корабль 3 чей [sic!] и огонь распространился по всему флоту, после того еще взорвало неприятельских два корабля и привезли к нам канонира Нестерова, которого на брандере опалило, матроза корабля 3-х Святителей Егора Соколова да бомбардира раненого одного. В 3 часа загорелся еще к берегу неприятельский корабль и увидели мы идущим от N под парусами

3 судна, а какие для осведомления посланы от нас вооруженные две шлюпки, да еще стоящие ближе к крепости загорелся корабль.

4 час. В начале часа взорвало еще 6-й неприятельский корабль в 1/2 часа приехал к нам его превосходительство господин контр-адмирал, в исходе часа корабль Европа отдав марсели пошел под парусами возвратно от местечка Чесма.

5 час. Ветр тихий, небо мало облачно, в 1/2 часа взорвало седьмой и восьмой турецкий корабль, после чего вскоре еще взорвался 9-й и в 5 часов взорвало 10-й корабль. Между тем, взят нашим флотом один пятидесятной турецкой корабль, на котором и подняли наш Российский военный флаг, гюис и вымпел, да 5 галер, которые все приведены к нашему флоту и наши корабли и фрегаты, которые были посланы для атаки турецкого флота пришли ко флоту и стали на якорь, между тем проходя мимо нас взятого корабля и 5 галер, також из протчих кричали по три раза, а от нас ответствовано тож число, с корабля Ростислава салютовано из 21, а от нас ответствовано из 25 пушек, после чего приехал на корабль наш господин командующий.

6 час. В исходе часа взорвало 11-й турецкий корабль.

7 час. В начале 7 часа при выстреле у нас из пушки учинен сигнал для съезду со всего флоту лейтенантов и учинен у нас сигнал для призыву командующих кораблей Аннуарии, и фрегата Надежда и Африка, в тож время взорвало 2 корабля турецкие, 12-й и 13-й, один за другим, вскоре после чего при выстреле у нас из пушки учинен сигнал кораблю Саратову гнать меж ZW для идущего там под парусами судно, после чего усмотрено что то судно нашего флота фрегат Паникутьев и для того оной сигнал о погоне уничтожен, в тож время взорвало 14-й корабль.

8 час. В начале часа взорвало турецкой 15-й корабль, в тож время взорвало в гавани небольшое судно посланы

от нас на 2-х галерах на неприятельский берег, где была неприятельская батарея подполковник 1, майоров 2, гренадер и мушкетеров 50 человек и все вооружены для атаки той крепости...

10 час. ...в 1/2 часа видно нам еще неприятельский большой корабль да небольшое судно взорвали» [1].

Кончилась короткая южная летняя ночь, а пожар, охвативший бурным пламенем весь турецкий флот, свирепствовал все больше и больше. Вот что читаем в «Собственноручном журнале» Грейга: «Пожар турецкого флота сделался общим к трем часам утра. Легче вообразить, чем описать, ужас, остолбенение и замешательство, овладевшие неприятелем. Турки прекратили всякое сопротивление, даже на тех судах, которые еще не загорелись; большая часть гребных судов или затонули или опрокинулись от множества людей, бросавшихся в них. Целые команды в страхе и отчаянии кидались в воду; поверхность бухты была покрыта бесчисленным множеством несчастных, спасавшихся и топивших один другого. Немногие достигли берега, цели [sic!] отчаянных усилий. Командор снова приказал прекратить пальбу с намерением дать спастись по крайней мере тем из них, у кого было довольно силы, чтобы доплыть до берега. Страх турок был до того велик, что они не только оставляли суда, еще не загоревшиеся, и прибрежные батареи, но даже бежали из замка и города Чесьмы, оставленных уже гарнизоном и жителями» [2].

Из 15 тысяч человек, которые составляли экипаж турецкого флота, истребленного при Чесме, спаслось не более четырех тысяч, из которых много было раненых. Очутившись на берегу, они, поскольку вообще были в состоянии двигаться, ударились в паническое бегство, увлекая за собой насмерть перепуганное население города. Бежали они в Смирну, куда и принесли страшное известие.

В Смирне тотчас же произошел кровавый антихристианский погром, направленный прежде всего против греков, хотя

---

[1] ЦГАВМФ, фонд: Шканечные журналы, № 950, 1770 г., лл. 164 и 164 об. Шканечный журнал «Трех иерархов».

[2] Собственноручный журнал Грейга. Цит. изд., 1849, декабрь, стр. 811.

среди христиан города Смирны были также сирийцы и армяне. Ярость турецкого населения вызывалась распространенным тогда на Востоке убеждением, будто именно греки просили Екатерину о присылке в Архипелаг русского военного флота.

Русские высадили десант в городе Чесме. В этом городе оказались промышленные и текстильные предприятия, и русские моряки нашли в совершенно покинутых жителями складах большие трофеи; особенно много было драгоценных шелковых тканей.

Победа русского флота была полная. Ликующий Орлов велел не довольствоваться перевозкой на русские суда всей береговой артиллерии (19 медных пушек), но, «дабы флот имел себе более славы»,— забрать также медную артиллерию «с погоревших неприятельских днищ», потому что, кроме этих «днищ», ровно ничего от турецкого флота не осталось [1].

Героями Чесмы были из военных начальников Грейг и Спиридов, из капитанов — Хметевский, Клокачев, Лупандин, из подчиненных младших офицеров — лейтенант Ильин. На эскадре с восхищением передавали, как Ильин «подошед к турецкому кораблю с полным экипажем находящемуся; в глазах их положил брандкугель в корабль, и зажегши брандер возвратился без всякой торопливости с присутствием духа, как и прочие, назад» [2].

Матросы вели себя с тем же мужеством, умом, находчивостью и проявляли ту же физическую ловкость и сноровку, как и в течение всей этой долгой и нелегкой экспедиции и до и после Чесмы. И чем больше распространялись по свету слухи об изумительном истреблении большого линейного флота, тем громче звучала слава русских моряков.

Со времен Петра I прошло много лет. Поколение, пережившее Гангут, уже давно сошло со сцены; Чесма заставила всю Европу вздрогнуть и принять в соображение, что мечта Петра как будто вполне сбылась, и что у русского «Потентата» налицо обе руки — не только армия, но и флот.

---

[1] 1770 г. июня 26 дня. Приказ. Подлинные подписал: граф Алексей Орлов.— «В память Чесменской победы...», стр. 23.

[2] Там же, стр. 57.

IX

Беглецы из-под Чесмы принесли в Константинополь потрясающую новость об истреблении всего турецкого флота.

Вот как рассказывает турецкий официальный летописец о Чесменском бое: «После сего флот Оттоманский вошел в порт Чесменский, куда прибыли также корабли неприятельские и снова сражение началось. От ударов пушек поверхность моря запылала. Корабли неприятельские, в продолжение всего морского сражения, находились под парусами, дабы оградить себя от опасности и гибели в сем порте. Вступление «Капитана-паши» в порт Чесменский, судя по очевидности дела, предпринято было во власти судьбы.

Между тем, «Капитан-паша» употреблял все усилия, чтобы отразить неприятелей, сии последние отправили несколько брандеров, наполненных нефтью и другими горючими веществами, против нашего флота. Некоторые из наших кораблей им удалось зажечь, а другие, поспешая к ним на помощь и соединяясь с ними, тоже объяты были пламенем и сгорели...

Войска, находившиеся на других кораблях, рассеялись без сражения по берегам Смирны и другим местам. Капитан-паша и Джезайрлю-Хасан-Бей были ранены. Али, правитель корабля и другие офицеры, желая спасти себя вплавь, погибли в волнах моря...

Сие происшествие, служащее полезным примером, весьма опечалило всех мусульман, особенно его высочество, наш Государь был весьма расстроен и поражен чрезвычайным горем» [1].

Послушаем, как повествует о русской экспедиции в Архипелаг современник событий турецкий министр Ресми-эфенди в своем «рассказе», переведенном с рукописи известным ориенталистом Сенковским: «Наконец из Путурбурка, лежащего на краю моря, называемого Балтык, через Гибралтарский пролив послал [москвитянин] на воды Мореи и в Архипелаг несколько мелких военных судов вертеться между островами; в Англии и других землях нанял несколько кораблей, в Архипелаге нахватал барок вроде саколев [sic!] и дрововозок и, одни на-

[1] О сожжении турецкого флота при Чесме (из историографа Оттоманской империи Ахмеда Вассафа Эфенди), «Труды и летописи Общества истории и древностей российских», ч. VII. Москва, 1837, стр. 117—118.

грузив войском, другие съестными припасами, в четыре или пять месяцев составил себе значительный флот из старого хлама. Когда этот флот появился, опытные знатоки моря предсказывали, что первая порядочная буря эту странную ладью опрометчивого гяура, не знающего здешних вод, непременно истолчет в щепки и размечет по морю». Однако приводившее многих турок прямо в суеверный страх вечное счастье Екатерины, «этого бича мусульман», не изменило ей и на этот раз: «Но по закону успехов, предопределенных бичу мусульман, судьба и ветры постоянно благоприятствовали его ничтожному флоту, и, с первого нападения, уничтожил он наш прекрасный флот, столкнувшись с ним в Чешме, месте, лежащем насупротив острова Хиос». Помогло «гяурам» и то, что в Сирии и Египте как раз вспыхнули бунты. «Но примечательнее всего,— продолжает удивляться Ресми-эфенди,— следующее обстоятельство. Для порядочного флота весьма трудно провести даже одну зиму в Архипелаге. Между тем, при особом покровительстве судьбы, неприятель три года сряду, зимой и летом шатался по этим опасным водам без малейшего вреда, и даже нашел средства запереть Дарданеллы своей (дрянной) эскадрой, так что ни один наш корабль не мог выйти из пролива. Все это одна из тех редкостей, которые у историков называются ходисе-и-кюбра, великим событием, потому что они выходят из порядку натуры судьбы и в три столетия раз случаются» [1].

В этой войне русские «нечестивые гяуры» употребляли всевозможные военные «хитрости», которые и разоблачает Ресми-эфенди. Интересны первая и восьмая «хитрости»: «Первая их хитрость — нисколько не нарушая существующего мира, беспрерывно приготовляться к войне, но так, чтобы этого никто не мог приметить». Дальше следует пересчет «хитростей» тактического и стратегического характера, и, наконец, восьмая и последняя «хитрость»: «с пленными мусульманами не употреблять ни жестокостей, ни побоев. Гяур позволяет им жить по своему обычаю и не говорит ничего обидного для их веры, многим даже дает свободу, чтобы они его бесполезно не обре-

---

[1] «Рассказ Ресми-эфендия, оттоманского министра иностранных дел, о семилетней борьбе Турции с Россией». СПб., 1854, стр. 75—76.

меняли... полагается главным правилом не стеснять ничьего вероисповедания» [1].

О силе и славе «царицы» («чарычи») Ресми-эфенди говорил следующее: «Племя франков, или как у них говорится, европейцев, чрезвычайно подобострастно к своему женскому полу. От того-то они так удивительно покорны, послушны и преданы этой чарыче: они почти считают ее святой, около нее толпятся отличнейшие своими способностями и знаменитейшие люди не только московской земли, но и разных других народов, и, полные восторга к чарыче, они все мечутся рвением положить за нее душу свою. Надо сказать и то, что она также претонкая женщина. Чтобы привязать к себе этих людей, она, оказывая являющимся к ней государственным мужам и воеводам более радушия, чем кто-либо им оказывал, осыпая их милостями, отвечая вежливостями, образовала себе множество таких полководцев, как Орлуф [Орлов] или как маршал Румянчуф [Румянцев] тот, что заключил мир с нами. При усердном содействии всех этих людей счастье ее развернулось, и она свободно поплыла по морю успехов до того, что сделалась как бы обновительницей русского царства. В 1177 [1763] году, по случаю смерти короля ляхов, вмешалась она в дела этого народа, которые на несколько лет заняли ее внимание по причине необходимых сделок с соседями, а в 1182 [1768] году по воле предопределения начала войну с нами».

X

Известие о блистательной русской победе под Чесмой с необычайной по тому времени быстротой распространилось по всему турецкому Леванту. На всех почти островах Архипелага вспыхнуло возмущение против турок. Двадцать семь больших и малых островов и островков прислали депутацию к Алексею Орлову, объявляя о своем желании подчиниться скипетру Екатерины. Турки были представлены на своих островных владениях совсем ничтожными гарнизонами, да и оказались слишком деморализованными вестями о Чесме.

Орлов подумывал, как будто, сейчас же после Чесменского боя форсировать Дарданеллы. Он направил контр-адмирала

[1] «Рассказ Ресми-эфендия», стр. 77—78.

Эльфинстона к острову Тенедосу, где греческое население с ликованием встретило русских. А другая русская эскадра, под командой Спиридова, подошла к Лемносу, овладела без сопротивления островом, но целых два месяца осаждала Лемносскую крепость, где заперся турецкий гарнизон. Турки сдались лишь после долгой (более чем двухмесячной) осады. Но удержаться на Лемносе не удалось, потому что из Константинополя прибыл и сумел проскользнуть мимо русских судов большой (около 3½ тысяч) турецкий десант; пришлось взять русский отряд на борт и отплыть от Лемноса. Паника в Константинополе была страшная, хотя ясно было, что Эльфинстону без помощи эскадры Спиридова форсировать Дарданеллы не удастся. А Спиридов, задержанный так долго у Лемноса, где русские предполагали создать плацдарм, до поздней осени не мог полностью помочь в этом трудном предприятии. Обстрел дарданелльских укреплений не дал никаких результатов.

О том, что творилось в Константинополе после Чесмы, хорошо рассказал очевидец, уже цитированный нами барон де Тотт. Этот барон де Тотт, очень активный агент версальского двора в Турции и в Крыму, написал и издал в Амстердаме в 1784 году свои воспоминания, которые через несколько лет после опубликования на французском языке были переведены на польский язык и вышли в свет в Варшаве: I том — в 1789, II и III томы — в 1791 году, т. е. как раз тогда, когда в Польше возлагали большие надежды на происходившую «вторую» войну с турками (1787—1791 гг.) [1].

Барон Тотт изображает состояние турецкой обороны в самом неутешительном виде: артиллерия плоха, суда плохи, форсировать Дарданеллы после Чесмы было легко и т. д. Он явно и с умыслом преувеличивает. Это французскому агенту нужно, чтобы читатели оценили его личную распорядительность и умелость: султан велел, «чтобы все делалось по моим указаниям». И он, барон Тотт, принялся турецкую беду руками разводить. Больше всего внушал беспокойство этому испытанному другу Оттоманской Порты упадок духа у турок.

[1] Tott, baron. Opisy Turkow y Tatarow, t. I—III. Warszawa, 1789—1791.

Главным неприятелем турок была их мораль,— пишет барон Тотт.

Польский переводчик с явной тенденцией и поучительными намерениями усиливает эту мысль: барон Тотт должен был показать полякам, как велики опасности, грозящие от упадка духа народу, борющемуся против «москалей». В самом деле, свидетельство Тотта все же в высшей степени любопытно. Не только султан Мустафа, ограниченный, дюжинный деспот, и окружавшие его воры и ничтожество Дивана, но и французские покровители Оттоманской Порты были, накануне Ларги, Кагула и Чесмы убеждены в близком и полном торжестве правоверных. Граф Сен-При, французский посол, решил воспользоваться «надменной надеждой на великие успехи» и устроить большой бал в Константинополе под предлогом чествования бракосочетания французского наследника престола. Этот бал должен был сопровождаться иллюминациями и фейерверками по всему городу. Сен-При поручил устройство празднества барону Тотту: «Уж бальная зала, которую нужно было выстроить, была закончена, фейерверк заготовлен, нам осталось только расположить декорации, как вдруг известие о разгроме обеих армий — и на суше и на море — подорвало наши приготовления. Уже невозможно было думать о празднествах. Падишах в живейшей тревоге, министры удручены, народ в отчаянии, столица в страхе перед голодом и нашествием. Таково настоящее положение империи, которая за один месяц перед тем считала себя столь грозной» [1].

Голод грозил Константинополю вот по какой причине. При безобразнейших порядках, царивших во всем государственном хозяйстве Турции и становившихся еще нелепее во время войны, было постановлено, что турецкая армия снабжается всеми теми продуктами (начиная с хлеба), которые можно достать с берегов Черного моря и из северных частей Балканского полуострова, а столицу должны преимущественно кормить Архипелаг и Сирия. Но в Сирии шло долгое перемежающееся восстание, да и Смирна, через которую сирийские провенансы направлялись морским транспортом в Константинополь, была отрезана русским флотом. Архипелаг тоже ока-

[1] Mémoires du baron de Tott, t. III. Amsterdam, 1784, p. 33—34

зывался после Чесмы не только отрезанным, но в значительной части и захваченным русскими. При этих условиях блокада Дарданелл в самом деле грозила столице самым настоящим голодом, потому что на скудные доставки сухим путем из близкой Малой Азии надежды были плохи.

Началась блокада Дарданелл с неудачи. Адмирал Эльфинстон, флагман большого линейного корабля «Святослав», без всякого приказа со стороны графа Орлова и без всякого вызова со стороны адмирала Спиридова вдруг покинул блокирующую Дарданеллы русскую эскадру и отошел к острову Лемносу.

Впоследствии императрица Екатерина приравняла этот поступок Эльфинстона к разряду действий «людей сумасшедших». Хуже всего было то, что именно при этом бесполезном путешествии «Святослав» уже перед самым Лемносом наткнулся 5 сентября 1770 года на риф и в самом катастрофическом положении сел на мель. Пришлось экстренно вызывать несколько судов из-под Дарданелл, чтобы как-нибудь спасти «Святослава», но ничего из этого не вышло. 27 сентября «Святослав» разбился и погиб. Орлов был возмущен страшно. Как только в Константинополе узнали о том, что часть блокирующих русских судов отозвана к Лемносу для спасения «Святослава», тотчас же, воспользовавшись этим, турецкие транспорты проскользнули через Дарданеллы, прошли к острову Лемносу, высадили там войска, и русским пришлось снять осаду с готовой было уже сдаться крепости Пелари и покинуть Лемнос.

Орлов спустя некоторое время отправил Эльфинстона в Кронштадт и послал такой материал о нем, что адмирала отдали под суд, обвиняя в служебной небрежности, которая погубила «Святослава». Суд формально не обвинил Эльфинстона, однако служить ему дальше в русском флоте уже не пришлось: 19 июля 1771 года он был уволен в чистую отставку и навсегда покинул Россию.

Английские историки, касаясь Чесмы и всей русской эпопеи в Архипелаге, норовят, без излишней скромности, приписать Джону Эльфинстону чуть ли не центральную роль в событиях, но, как видим, это с их стороны лишь патриотическая иллюзия...

Замечу тут же, что собственно крушение карьеры Эльфинстона можно приурочить к концу сентября 1770 года, когда сейчас же после гибели «Святослава» его эскадру у него отобрали и соединили с эскадрой Спиридова. Приказ, отданный Алексеем Орловым на корабле «Три иерарха» 29 сентября 1770 года, когда корабль находился в Порте Мудрос, на острове Лемнос, гласил: «Необходимые нужды для пользы службы Ея Императорского Величества принудили меня отделенную эскадру господина контр-адмирала Эльфинстона соединить с эскадрой под моим ведением находящуюся и препоручить обе в точную команду его Высокопревосходительства господина адмирала и кавалера Григория Андреевича Спиридова, о чем господа начальники судов да будут известны»[1].

В октябре 1770 года пришел в Порт Магон (на о. Минорка) и адмирал Арф.

Он привел вверенную ему эскадру довольно благополучно, принимая во внимание неутешительное состояние, в котором его корабли были уже при отплытии из Кронштадта. Но тут сразу же начались большие недоразумения. Датчанин Арф очень плохо ориентировался, очевидно, и в русских придворных порядках, и в положении Алексея Орлова в русском флоте в водах Леванта. Ему вскружило голову то, что Екатерина, отпуская, дала ему очень доверительную инструкцию с характеристикой внешнеполитических отношений России (о чем я уже выше упоминал) и вообще милостиво с ним обошлась, поэтому он вообразил, что ни от кого, кроме государыни, он не зависит.

Когда контр-адмирал Елманов, заступивший место временно отбывшего Спиридова, написал Арфу о приказе Алексея Орлова немедленно идти на соединение с русским флотом и когда при этом Елманов не скрыл своего недоумения по поводу медлительности Арфа,— то Арф ответил 26 октября 1770 года письмом, в котором очень надменно признавал себя подчиненным только самой императрице непосредственно. Из этого письма ясно, что Никита Иванович Панин тоже подбивал датчанина к борьбе против ненавистного Панину Алексея Орлова.

---

[1] «Морской сборник», т. IX, 1853, стр. 285.

Вот характерная выдержка из этого документа:

«Что же касается до требуемых вашим превосходительством изъяснений, каких ради причин я здесь медлю и намерен ли я с ускорением идти ко флоту или здесь остаюсь и для чего, то позвольте мне без обиновения [без обиняков] вашему превосходительству сказать, что имея повеления и наставления от Ея Императорского величества всемилостивейшей нашей Государыни, я не премину верно, рабски, с подобострастью о всем Ея величеству донести при первом удобном к тому случае, о чем также уведомляю, как его сиятельство графа Алексея Григорьевича, так и его превосходительство господина адмирала Спиридова...» [1].

Не довольствуясь этой язвительной выходкой, Арф поспешил еще ввернуть в это письмо наиболее ненавистное братьям Орловым имя: «все, что ваше превосходительство упоминает о надобности, которую его сиятельство граф Алексей Григорьевич имеет в моей эскадре и в людях, довольно уже мне изъяснено от Ея императорского величества и от министра Ея, его сиятельства графа Никиты Ивановича Панина, и я по сию пору не преминул во всех случаях потому поступать... а между тем имею честь вас предупредить, что и при первом случае не премину предложить Ея величеству как копию с памятного мне письма, так и с сего моего ответа». Дальше шли (тоже в язвительном тоне) некоторые жалобы и претензии Арфа к Елманову по вопросу о ремонте судов и т. д.

Если бы Арф хоть немного знал графа Орлова, то он понял бы, что подобные «предерзости», посылаемые Алексею Григорьевичу через голову Елманова, а в особенности упоминания о Никите Ивановиче Панине, вконец губят его карьеру во флоте, по крайней мере на данном ее этапе.

Для нас эта переписка очень интересна потому, что в ней, «как солнце в малой капле воды», отражается подспудная и упорная, хотя и безуспешная, борьба Н. И. Панина против обоих братьев Орловых и против затеянной, как он считал, ими и предпринятой государыней экспедиции.

Оскорбленный высокомерием младшего по должности Арфа,

---

[1] ЦГАВМФ, фонд адмирала Спиридова, дело № 12, 1770, лл. 197—198. Подписано: «Арф».

контр-адмирал Елманов понимал, конечно, что Арф, полагаясь на Н. И. Панина и на предполагаемое благоволение императрицы, только делает вид, будто ждет повелений от Орлова,— и ответил датчанину чрезвычайно внушительно. Он напомнил Арфу, что имеет полное право требовать от него объяснений; что Орлов все-таки требует немедленно прибытия к нему вновь явившейся эскадры; что его, Елманова, ничуть не пугает угроза Арфа довести обо всем до сведения государыни: «...я имел право требовать от вашего превосходительства изъяснения, однакож и по сие время о намерениях ваших я неизвестен, вы же можете усматривать, что требование мое было в пользу службы Ея императорского величества и соблюдении высочайших интересов.

А что я вашему превосходительству напомнил о нужде, которую его сиятельство граф Алексей Григорьевич имеет в вашей эскадре и в людях, то я через сие изъяснял действительное его сиятельства графа Алексея Григорьевича повеление, в котором точно объявляет, что в эскадре вашей и в людях великую имеет надобность, о чем и теперь тож напоминаю, сверх того ваше превосходительство пишите что вы во первом случае не преминете Ея величеству как копию с моего письма так и с сего вашего ко мне ответа предложить, о чем и с моей стороны куда надлежит письменно ж предложено будет» [1].

Ясно было, что после подобной переписки «не жилец» был уже Арф в Российском флоте...

С эскадрой Арфа прибыло 2167 человек пехоты и 523 гвардейца на купленных у англичан транспортных судах. Уже это придавало большое значение подошедшей эскадре. Но еще большее значение имел (по крайней мере в глазах самого Арфа) привезенный им рескрипт Екатерины на имя Алексея Орлова от 19 июля 1770 года. Императрица приказала, чтобы эскадра Арфа оставалась под его непосредственным начальством даже и по приходе в Архипелаг, «когда он сам, по соединении с флотом адмирала Спиридова вступит под главное его начальство». Это свое распоряжение Екатерина объяснила так: «Резолюция наша в сем случае происходит от внутреннего составления Арфовой эскадры. На всех ее кораблях

[1] ЦГАВМФ, фонд адмирала Спиридова, дело № 12, лл. 199—200.

будут при наших и датских еще вместе с сим контр-адмиралом в нашу службу призванные офицеры из тех кои в собственном своем отечестве бесспорно между лучшими почитаемы были, а с ними и некоторое число датских же матросов» [1].

На это-то и уповал контр-адмирал Арф, осмеливаясь дерзить самому Алексею Григорьевичу. Он не знал, что от Петергофа до Архипелага и от июля месяца до октября — очень большая дистанция и в пространстве и во времени...

Результат этого заблуждения не заставил себя ждать: Орлов стал всячески придираться и притеснять Арфа, велел не выдавать ему столовых денег, вел расследование о причинах его опоздания и т. д. Арф подал просьбу о том, чтоб Орлов отпустил его в Петербург; Орлов не только мигом выполнил эту просьбу, но просил Екатерину ему больше иностранцев не присылать.

«Арф отпущен в удовольствие своего желания, и тем больше, что не предвидится впредь той крайней нужды, которая необходимо требовала бы продолжения в здешних морях его службы. Если Вашему Императорскому Величеству благоугодно будет повелеть направить сюда из России новую эскадру... Приемлю смелость всеподданнейше просить от Вашего Величества ту Высочайшую милость, дабы таковая эскадра состояла из российских матросов и офицеров, и не иностранцам, но российским была поручена командирам; ибо от своих единоземцев не только с лучшею надеждою всего того ожидать можно, чего от них долг усердия и любви к отечеству требует, но еще и в понесении трудов, беспокойств и военных трудностей, довольно уж усмотрено между российскими людьми и иностранцами великое различие, а притом и неразумение иностранного языка делает невинное [невольное.— *Е. Т.*] несогласие и затруднение».

В этой хвале русским морякам Алексей Орлов был совершенно прав. По выносливости, бесконечному терпению, ревности к службе и к русской морской славе, по неукротимой храбрости и стойкости буквально никакие иностранные матросы не могли сравниться с русскими.

---

[1] Рескрипт императрицы Екатерины II, данный на имя графа Алексея Григорьевича Орлова, 19 июля 1770 г. СРИО, т. I, стр. 39.

Арф уехал; его эскадра присоединилась к флоту, блокировавшему Дарданеллы; привезенные им войска вошли в состав русских гарнизонов, овладевших островами Архипелага. Русские овладели почти всеми островами Архипелага, и греческое население охотно покорилось им и избивало турок даже тогда, когда те уж не думали сопротивляться.

Но, разумеется, руководители экспедиции, и прежде всего Спиридов, заместивший Алексея Орлова, после отъезда его 13 ноября 1770 года в Ливорно, не считали этого приобретения сколько-нибудь прочным. Без большой сухопутной армии и постоянного пребывания в Средиземном море большого русского флота утвердиться навсегда в Архипелаге было мудрено. Важно было хоть до конца войны удержать за собой эти острова.

Вот что писал Алексею Орлову в январе 1771 года о выгодах и невыгодах овладения Архипелагом адмирал Спиридов, являвшийся после отъезда Орлова в Ливорно главным и бесконтрольным начальником островов Архипелага: «От нынешнего подданства греков нам кажется пользы никакой нет, а состоят еще и убытки в прокормлении бедных... Но польза выден [sic!] сия, и ежели мы острова за собою до миру удержим за нынешний год получим мы от них добровольно десятую часть всех их продуктов в натуре или за оны деньгами». Но, как все мыслящие моряки, Спиридов понимает возможное в будущем огромное для России значение проникновения и укрепления за собой опорных пунктов восточной части Средиземного моря: «Имении оных на 20-ти островах греков до миру в подданстве одержать за главную надобность признаваю во первых во славу нашей великой государыни, что она великая наша государыня владеет в Архипелаге греческом от Негропонта [sic!] до Анатолии Архипелагским великим княжеством, а во вторых ежели при мире останутся у ней великой государыни или доставится вольность, то сие также увеличит славу ее величества; в третьих же, когда оные до миру острова за нами останутся, то поблизости к Негропонту и Мореи и к Малой Азии затворяют чрез наших крейсеров от Кандии и Египта к Смирне, Салонике [sic!] и Константинополю, также и от оных мест в Средиземном море вход и выход неприятельских военных и с их турецкими грузами судов, так как бы между

обеими частями света в воротах... А четвертое, мы имеем теперь надежное военное сборное у себя место — остров Парос и порт Аузу... и весьма сие место нужно чтоб до миру его отнюдь не оставить, а укрепиться елико возможно».

Спиридов очень хорошо понимает, что решительные враги России французы, и, повидимому, даже думает, что и потенциальные союзники, англичане, много дали бы, чтобы выжить отсюда русский флот: «Ежели б англичанам или французам сей остров с портом Аузой и Анти-Паросом продать, то б хотя и имеют они у себя в Медитерании [Средиземном море — *Е. Т.*] свои порты, не один миллион червонных с радостью дали» [1].

XI

Не только Франция, но и принужденный по целому ряду обстоятельств носить дружественную маску король прусский Фридрих II очень не желал, чтобы Архипелаг остался за Россией. Правда, в своем мемориале от 1 декабря 1770 года, когда готовились (сорванные впоследствии) мирные переговоры между Россией и Турцией, Фридрих силится подчеркнуть, будто вовсе не он, а сами турки и австрийцы не желают, чтобы Россия овладела Крымом, Валахией, Молдавией и «одним из островов» Архипелага, но лицемерие прусского короля совершенно очевидно.

Характерно, что в то самое время, когда русские уже овладели двадцатью островами Архипелага, Фридрих пишет лишь об «одном» острове. Он предлагает императрице получить Азов, Большую и Малую Кабарду и «свободное плавание на Черном море». Король льстит себя надеждой, что государыня, выслушав эти благие советы, признает в нем «прямого и искреннего друга»...

Екатерина отвергла эти «дружеские» советы. Война продолжалась. Алексей Орлов, получив доклад Спиридова, повез его в Петербург, куда и прибыл 4 марта 1771 года.

Екатерина совершенно согласилась с непосредственными предложениями Спиридова о необходимости, во всяком случае, до заключения мира удерживать за собой Архипелаг и с

---

[1] Материалы для истории русского флота, ч. XI. СПб., 1886, стр. 654—656.

мыслью Орлова о пользе установления эффективной и длительной блокады Дарданелл. На помощь со стороны греков в Морее или где бы то ни было на Балканах ни Орлов, ни Екатерина уже не рассчитывали: «...нельзя более считать на диверсию и содействование в праведной нашей войне греческих туркам подвластных народов по причине свойственной им или, лучше сказать, врожденной уже склонности к рабству и совершенного в характере их легкомыслия» [1].

Но для владычества на островах достаточно было наличия русского флота близ Дарданелл: устраивать большие высадки для освобождения островов Архипелага турки не могли, а греческое население, на которое не очень приходилось рассчитывать при столкновении с регулярными турецкими силами, вполне (и с большой охотой) подчинялись русскому начальству, пока турок не было.

Западная Европа оценила огромное значение блистательного успеха русского флота, но все-таки дипломатия Франции, Пруссии, Англии, Австрии старалась по мере сил преуменьшить роль личных качеств русских начальников и экипажа.

Замечу, что эту тенденцию, благополучно перебравшуюся из деловых бумаг и из публицистики XVIII века в ученые книги XIX века, мы находим не у всех, но у многих историков, пишущих о Чесме и вообще об экспедиции в Архипелаг. Достаточно вспомнить, в каком кривом зеркале живописует эти события хотя бы известный автор семитомной истории Греции Джордж Финлей [2]. В особенности следует сказать это относительно изображения событий, следовавших за Чесмой, в частности относительно боевых действий у Лемноса. Алексей Орлов даже нашел нужным написать в Париж (отсюда именно шла клеветническая кампания против русского флота, поощряемая версальским двором) особое письмо на имя советника нашего посольства Хотинского. В этом письме Орлов пишет: «Недоброхоты наши будучи чувствительно тронуты благополучными российского оружия как на сухом пути, так и на море успехами, единственно по зависти только стараются злостные в народах рассеивать вести...» Алексей Орлов излагает

---

[1] СРИО, т. I, стр. 65—66.

[2] Finlay. History of Greece, v. V. London, 1877, p. 253—274.

вкратце лемносские события так, как они, судя по другим источникам, происходили: крепость Лемнос была взята русскими, но русский флот забрал свой десант на корабли и, ничуть не тревожимый высадившимися на острове турками, вышел в море и, под начальством Спиридова, принял участие в блокировании Дарданелл [1].

Екатерина, как и Алексей Орлов, как и Спиридов, твердо решила оставить флот в Архипелаге хотя бы на целые годы, пока не будет заключен мир с Турцией. Она знала, что уже нельзя ждать новых блистательных побед вроде Чесмы по той простой причине, что турецкие лучшие суда уже покоятся на дне морском, а новых турки не успели выстроить. Но хотя бы ничего внешне эффектного («ничего к а з и с т о г о», как выражается императрица) русский флот в Архипелаге уже не предпринимал, но он, в целях диверсии, крайне полезен: «Флот наш разделяет неприятельские силы и знатно уменьшает их главную армию. Порта, так сказать, принуждена, не знав куда намерение наше клонится, усыпать военными людьми все свои приморские места, как в Азии, так и в Европе находящиеся, теряет все выгоды от Архипелага и от своей торговли прежде получаемые, принуждена остальные свои морские силы разделить между Дарданеллами и Черным морем и следовательно препятствие причиняется ей действовать как на Черном море, так и на самых Крымских берегах с надежностью, не упоминая и о том, что многие турецкие города, да и сам Царь град не без трепета видит флот наш в таком близком от них расстоянии»,— писала Екатерина в рескрипте Алексею Орлову от 18 декабря 1772 года [2]. И еще после этого больше двух лет русские суда оставались в Архипелаге.

XII

В Англии озаботились прежде всего получением обстоятельных и более или менее точных данных о действиях победоносного русского флота.

---

[1] Орлов — Хотинскому, Ливорно, 21 декабря 1770. СРИО, т. I, стр. 66—67.

[2] Рескрипт императрицы Екатерины II, данный на имя графа Алексея Григорьевича Орлова, 18 декабря 1772 г., СРИО, т. I, стр. 89.

Лорды адмиралтейства с большим вниманием следили за длительным путешествием русских эскадр из Петербурга в Морею. Только к началу сентября они получили обстоятельные сведения об изумившей всю Европу и прогремевшей еще летом русской морской победе под Чесмой. Многое им было доложено с места действия их осведомителем, собравшим всю нужную информацию тотчас после боя. Эта информация относилась не только к Чесме, но и ко всей весенней и летней кампании 1770 года... Эта информация дает некоторые уточнения и характерные детали, кое в чем дополняющие данные русских документов.

Первым (так доложили лордам адмиралтейства) прибыл в Морею еще в начале марта 1770 года адмирал Спиридов с четырьмя линейными кораблями, четырьмя фрегатами и несколькими транспортами. Он высадился в Порто-Вителло, и сейчас же там вспыхнуло греческое восстание против турок, которые заперлись в Наварино и трех других крепостях Мореи. Наваринская крепость была взята русскими, другие укрепленные пункты блокированы. 18 апреля в Наварино прибыл граф Орлов на линейном корабле. Но когда семь тысяч турок было двинуто на обратное завоевание Мореи, то положение русских оказалось трудным. Их было в тот момент всего семьсот человек, и только их и должно принимать в расчет, так как шесть тысяч восставших греков малодушно разбежались, «ни разу ни из одного мушкета не выстрелив». Орлов отплыл с русским флотом из Мореи, взорвав наваринские укрепления.

25 мая прибыла новая русская эскадра под начальством состоявшего на русской службе англичанина адмирала Эльфинстона и 5 июня соединилась с главными силами графа Орлова. Русский флот с тех пор целый месяц гонялся за капитаном-пашей Ибрагимом и его эскадрой. У Ибрагима было в распоряжении: шесть линейных судов с командой по 800 человек и с 80 орудиями на каждом, десять каравелл с 800 (приблизительно) человек и с 60—70 орудиями на каждой, два фрегата (по 40 орудий), шесть шебек (от 6 до 22 орудий) и с десяток более мелких судов.

У Орлова девять линейных кораблей (на каждом 500 человек и 66 орудий). Кроме того, у Орлова было шесть фрега-

тов (от 20 до 34 орудий на каждом) и несколько мелких судов.

Хотя турецкий флот был гораздо сильнее русского, но Ибрагим метался по Архипелагу, всячески стремясь уклониться от боевой встречи. Дело в том, что командиры у него были уж очень плохи, дисциплина на судах хромала, артиллерийская выучка была не на должной высоте.

Орлов гонялся за турками довольно долго. 4 июля (нов. ст.), выйдя из Смирнской бухты и направляясь к острову Сцио (Scio — Хиос), он увидел турок. Ибрагим стоял со своим флотом между островком и маленьким береговым анатолийским портом Чесмой. 5 июля в 11 часов утра Орлов и оба подчиненные ему адмирала Спиридов и Эльфинстон напали на турок. Спиридову удалось поджечь турецкий корабль, но загорелся при этом и его собственный. Однако турецким флотом овладела при этом такая паника, что они перерезали якорные канаты и бросились спасаться в Чесменский порт. Русские погнались за ними и блокировали гавань. На другой день Орлов послал командира линейного корабля «Три иерарха» капитана Грейга, дав ему четыре линейных корабля, два фрегата и два брандера, непосредственно к турецкому флоту, сбившемуся в кучу к берегу, в глубине бухты. Битва окончилась полнейшим, непоправимым разгромом турок: русские сожгли весь турецкий флот, кроме одного шестидесятипушечного корабля в исправном состоянии и пяти галер, которые были взяты в плен. В общем, у турок погибло пятнадцать линейных кораблей, два фрегата, пять полугалер («halfgallies» по определению английского осведомителя), много мелких судов, три французских судна с припасами для флота. Перебито было очень много турок, а русские потери были совсем незначительны. Англичанин подводит итоги своему докладу: одним ударом уничтожена вся морская сила Оттоманской державы, кроме четырех каравелл, которые вышли из Константинополя и, к своему счастью, не успели еще присоединиться к флоту Ибрагима [1].

---

[1] «This by one stroke the whole maritime force of the Ottoman power was destroyed...» (A summary account, etc.). СРИО, т. XIX, СПб., 1876, стр. 81, № 35.

Впечатление в Лондоне, а особенно во Франции было огромное. Если бы Екатерина, ликовавшая при получении реляции о великой Чесменской победе, могла знать кое-какие детали, доложенные лордам адмиралтейства их агентом, то ее радость еще более бы усилилась. Оказывается, что последствия Чесмы немедленно и наиболее катастрофически сказались именно на французах и на их обширнейшей торговле в турецких владениях. «Торговля совершенно приостановилась (is entirely at a stop) на Леванте, французы очень сильно пострадали, турки сильно разъярены против них за то, что французы втравили их в эту войну. Турки их грабят и крайне дурно с ними обходятся: на Мистре и в Морее у французов была очень выгодная торговля, но теперь она разорена, ни одного французского корабля не видно теперь на Леванте». Англичанин, злорадствуя по этому поводу, не забывает беспристрастно прибавить: «Турки также очень разъярены и против англичан, полагая, что не только французы являются причиной русского появления в турецких морях, но что большинство офицеров и солдат на борту русских судов — англичане. Эти сведения, как я слышал, усердно распространяются французами».

Лорды адмиралтейства и с ними британский кабинет могли усмотреть, таким образом, в Чесменском событии две стороны: отрицательную и положительную. Плохо было то, что Екатерине так невероятно блестяще удалось это головоломнейшее предприятие — перебросить из Балтийского моря в Архипелаг большой флот и уничтожить дотла весь прекрасно вооруженный и крупный количественно флот Турецкой империи, нехорошо было и то, что появление Орлова сопровождалось смутами и восстаниями в Морее и других местах, населенных христианскими подданными Порты. Но зато очень хорошо было то, что Орлову, Спиридову и Грейгу удалось 5 и 6 июля (н. ст.) 1770 года под Чесмой одним ударом совершить в высшей степени важное для англичан дело, хотя, конечно, они меньше всего об английских интересах думали, сжигая весь флот капитана-паши. Русские этим ударом разорили французскую торговлю, создали почву уже не только для антигреческих, но и для антифранцузских погромов, прочно поссорили турок с французами и очень облегчили англичанам их дальнейшую неустанную политическую и экономиче-

скую борьбу с ненавистными французскими конкурентами на всем Леванте. Что турки на первых порах были раздражены и против англичан — это было полбеды. Англичане знали, что они несравненно менее скомпрометированы перед турками, чем французы, в этой несчастной для Порты войне и что турецкий Диван это хорошо знает. Эти последствия Чесменской победы ничуть не подрывались опасениями, что русские победители заменят собой французов: русские не были для Англии, переживавшей свой гигантский блистательный промышленный переворот, сколько-нибудь серьезными соперниками на торговом поприще. Особенно это относилось именно к Морее, к Малой Азии, к морям, омывающим южные владения Турции, где и действовал Орлов со своей эскадрой. Если бы Орлов угрожал Константинополю, если бы речь шла о непосредственном уничтожении Турции, как самостоятельного государства, тогда, конечно, положение изменилось бы. Но этого еще не было и в помине, и, таким образом, для Англии указанные положительные и отрицательные стороны Чесменской победы более или менее уравновешивались. И английский посол лорд Кэткарт даже с некоторым сочувствием писал из Петербурга своему начальнику, статс-секретарю иностранных дел графу Рочфорду, донося ему о настроениях при русском дворе 3/14 сентября 1770 года: «храбрость, образ действий, решительность, обнаруженные русским адмиралом и его офицерами и моряками в таком новом для них случае, очень усиливают чувство удовольствия, которое императрица испытывает по поводу полного успеха всех частей этой операции». В этой несколько неуклюжей, но многозначительной английской фразе (the complete success of every part of the operation) лорд Кэткарт хочет явно выразить мысль, что русская победа не только в том, что Ибрагима-пашу пустили ко дну со всем турецким флотом, но и в том, как русским удалось создать, вооружить, пустить в очень далекое, опасное плаванье большой военный флот, как удалось подготовить дееспособных командиров, моряков, артиллеристов, наконец, как удалось возжечь пожар восстания на юге Балканского полуострова.

Уже очень скоро после получения лордами адмиралтейства в Лондоне известий о Чесме британский кабинет обратился непосредственно через лорда Кэткарта к Екатерине с предло-

жением заключить союз между Россией и Англией. Кэткарт, зная, что граф Панин больше официальная, показная фигура, а совещается Екатерина вовсе не с ним, но с Григорием Орловым, передал официально это предложение Панину, а на другой же день сделал визит Григорию Орлову. И Панин и, что было для Кэткарта, как симптом, еще важнее, Григорий Орлов отнеслись к английскому проекту очень хорошо. И императрица была довольна, это также очень скоро узнал посол. Передано было это предложение 14(25) сентября 1770 года. Англия в этот момент изо всех сил боролась против всех французских начинаний и в Турции, и в Польше, и против «французских интриг», направленных к скорейшему заключению мира между Турцией и Россией. Англичане боялись, что успех французов в этом деле отдаст надолго Турцию в их руки.

Очень кстати для русского флота в 1771—1773 гг. турок постигла некоторая дипломатическая неудача. Управлявший двенадцать лет подряд внешней политикой Франции герцог Шуазель, неглупый человек, но довольно посредственный дипломат, причинивший много вреда Франции именно своей озлобленно-враждебной и, главное, неискусной политикой относительно России, был внезапно уволен в отставку и сослан в свое поместье 24 декабря 1770 года. Держался он больше всего милостями любовницы короля Людовика XV маркизы Помпадур, а прогнали его совершенно экспромтом, вследствие того, что он впал в немилость у новой любовницы Людовика г-жи Дюбарри.

Обильные неизданные документы, отчасти напечатанные, отчасти использованные в двух больших томах Гастона Легра: «Le duc et la duchesse de Choiseul» (Paris, 1902) и «La disgrâce de Choiseul» (Paris, 1903),— поражают ничтожностью своего содержания. Ровно ничего интересного с точки зрения характеристики политики Шуазеля мы тут не находим. Любопытно в них, может быть, именно окончательное доказательство, что отставка Шуазеля нисколько не знаменовала провала его дипломатических принципов и установок.

Но все же некоторые последствия эта отставка имела. Шуазель вел себя не только враждебно, но и нагло-вызывающе относительно России. Он гордился тем, что провоцировал

турок на объявление войны России в 1768 году, но предупредить Чесму оказался не в состоянии. Теперь сменивший его на посту министра иностранных дел герцог д' Эгильон подавно мало мог бы сделать для турок, если бы даже хотел того. А он не особенно и хотел. Он долго осматривался, разбирался в делах — и был очень затруднен сам непрочностью своего положения.

Турки и польские конфедераты остались на ближайшее время без французской поддержки. Временно французская дипломатия как бы выбыла из строя и в Польше и на турецком Леванте. Русский флот в Архипелаге мог более спокойно и уверенно поддерживать блокаду Дарданелл, утверждать русское владычество на островах Архипелага и захватывать торговые суда, пытавшиеся пробираться из Средиземного моря в Эгейское.

XIII

Справедливость требует заметить, что между жителями островов Архипелага, занятых русскими моряками и солдатами, и русской властью установились и прочно держались вполне удовлетворительные и даже дружелюбные отношения. Русские, в общем, не только не обижали греческое (да и турецкое) мирное население, но, напротив, считали своим долгом кормить этих хронически голодавших островных «мужиков», и еще в половине XIX столетия местные предания хорошо поминали русскую оккупацию. В виде характерной иллюстрации может быть приведена интересная рукопись, найденная мной в неисчерпаемой сокровищнице нашего Ленинградского Военно-Морского архива. Это — письмо графа Войновича адмиралу Спиридову, его прямому и непосредственному начальнику. Войнович оставался временным заместителем Спиридова, отбывшего с островов в отпуск для лечения. Письмо (точнее служебный доклад) относится к зимнему, хронически голодному из-за войны времени для многих из этих островов, которым даже и летом приходилось тогда не очень легко вследствие полной разобщенности с внешним миром.

Вот что докладывал Войнович Спиридову 16 января 1771 года. Вследствие необычайной скудости каких бы то ни было данных подобного рода считаю уместным привести тут

полностью этот драгоценный документ, который так характерен для русского ведения войны, для русского отношения к бедствиям мирного населения на оккупированной вражеской территории:

«Ваше высокопревосходительство милостивый государь Григорий Андреевич. Жители архипелагских островов как они покорены под оружие ея императорского величества и по приказу его графского сиятельства Алексея Григорьевича Орлова и вашего высокопревосходительства теперь управляемы мною, то по недостатку у них в хлебе, ежедневно просят меня, чтобы исходатайствовать от вашего высокопревосходительства споможения им пшеницею и ячменем; дабы не умерли от голоду, понеже они по нынешним военным обстоятельствам ничего того, что за их потребно доставать не могут, а то, что они прежде доставали, на привозимых к им баркам от двух островов Идры и Ипсара, кои еще находятся для покупки из неприятельских мест свободны, а ныне и то все или большая часть оного привозится для нашего флота; почему они говорят, как они наши то надобно нам стараться об них так как сами о себе. Здравой разум и естественной закон во всем сходствует с их словами, и я с ними согласен для двух резонов, первое что я определен для управления над ими, второй для удаления от какого-нибудь злоключения. Потому что ежели мужики какого острова претерпевать будут голод, то принуждены будут разграбливать собственную нашу пшеницу, а я уже уведомлен через письмо епископа острова Сифно, что мужики в оном острове готовы оное сделать, а смотря на сих и в прочих островах могут поступить таким же образом, и через сии худые обстоятельства, которые могут провести такое их предприятие сделают они нам недостаток в хлебе, а себе великое разорение, и все то что последует впредь уверяет нас, что мы не избежим от сего, но еще подвергнем себя и другому чему. По причине той (как мне от некоторых островских приматов сказано), что от них требовано было письменно дабы покорились они в подданство ея императорского величества нашей всемилостивейшей государыни вооружая себя против общего неприятеля когда к тому будет нужда и учинить присягу, чтоб с ним никаких коммуникаций, ни публичных, ни приватных, не иметь как словесно так и письменно. а от этого они или лучше ска-

зать мы будем иметь недостаток во всякой провизии, а после может случиться и то, чтоб от здешних мест отойти, а их большая часть от голоду, а другие от турецких саблей погибнут. Потому что ежели сие будет известно в турецких землях, то в то время турки без всякого сомнения из своих мест с острова Идра и Ипсара отпущать пшеницу запретят.

И так ежели сии два острова другим островам и нам спомоществовать пшеницею не будут, то мы как выше сказано пшеницею и другими надобностями можем быть недостаточны, а голод понудит мужиков и самую траву есть. Сверх всего сего еще как многие островские жители имеют большую часть своего капитала в руках турецких, которой они надеются получить а после исполнения подданства должны оное потерять. Также родственники их и земляки кои для купечества, а некоторые для взятия своих долгов, а другие для своей работы находятся в Константинополе и в Смирне в рассуждении сего будут подвергнуты великой опасности дабы не погибли от турецких саблей. Я в рассуждении островских нужд и службы к интересам ея величества тронут к сохранению всех народов обретающихся в здешних островах о всем том, что может с ими случиться, по моей должности покорно представить к вашему высокопревосходительству с изъяснением сие мое малое мнение ежели оное мне дозволяется, чтоб сию публикацию оставить до другого времени для лучшей пользы обоих сторон и чтоб не было от нас им запрещено обходиться с неприятелем, обманывая его, так как они знают для сохранения их самих, а для нас довольно и того, чтоб они были к нам с искренним сердцем как наши верноподданные чего я от них и надеюсь, а теперь можем получать от тех островов равным образом все то, что и после приведения в подданство надеялись получать да еще и больше, для того что никакого недостатка иметь не будем, а ежели оная публикация объявится, то все конечно оного не минуем.

Я уповаю, что вашему высокопревосходительству сие мое малое предложение не будет противно и причтете мне ревность к службе как в интересах ея величества, так и ко всему обществу. Впрочем препоручаю себя в милостивое вашего высокопревосходительства содержание с глубочайшим почтением и покорностью есмь во всю мою жизнь.

Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга Граф Иван Войнович[1]. Генваря 16 дня 1771 году».

Прибавим к этому, что у нас есть также ряд свидетельств о самом гуманном поведении русских относительно военнопленных. Все иностранные консулы, бывшие в Смирне в дни антихристианского погрома в городе (после Чесменского боя), в коллективном послании благодарили графа Орлова за его великодушное решение относительно турецких пленников, которых, как правило, он всегда выпускал на свободу: «Великодушие, с каким ваше сиятельство поступили с великим числом турецких пленников, находящихся в вашей власти, возвратя им столь щедро их свободу, привлекло как с нашей стороны, так и от неприятеля удивление и почитание, каковое подобные поступки исторгают от самих варваров»[2]. Так писали иностранные консулы, которые именно благородному поведению русских относительно пленных приписывали старание турецких властей в Смирне поскорее прекратить всеми мерами погром христиан в городе.

Как увидим дальше, благородное отношение к пленным туркам со стороны русских признают и турецкие источники.

Что известный риск для России в отправлении трех эскадр так далеко действительно был,— в этом мало кто сомневался в Европе. Двадцатидвухлетний датский король Христиан VII, двадцатипятилетний шведский король Густав III не только своей молодостью и предприимчивостью внушали кое-кому опасения. Аббат Галиани, друг энциклопедистов и корреспондент графа И. И. Шувалова, писал ему 1 октября 1771 г. из Неаполя серьезное по сути, хоть и шутливое по форме письмо, укоряя русский флот в неисполнении его (аббата Галиани) желаний. «Я хотел отозвать бо́льшую часть кораблей, предпочитая, чтобы они вернулись в Балтийское море до морозов; в Архипелаге я оставил бы два корабля, четыре фрегата и несколько мелких судов. Тратиться на них мне бы не пришлось, так как они жили бы контрибуциями и захватом неприятель-

[1] ЦГАВМФ, фонд адмирала Спиридова, дело № 2, 1770, лл. 11—12.

[2] «Перевод с письма, писанного вообще от всех европейских консулов, пребывающих в Смирне, от 21 июля, поданного депутатами консулов 25 июля (5 августа) 1770 года». Журнал капитана Хметевского, «Современник», том XLIX, 1855, стр. 60.

ских судов, а в то же время они блокировали бы и беспокоили бы с этой стороны всю Оттоманскую империю. Я очень значительно сократил бы таким образом издержки, а к следующему году у меня в Балтийском море был бы почтенных размеров флот и до намерений шведов и датчан мне было бы мало дела. Дивлюсь я тому спокойствию, с каким Россия относится к этим двум молодым королям. Вы скажете, что несмотря на отбытие трех флотов и неоднократные пожары, Кронштадт все же в силах спустить на воду еще целый флот. Может быть и так. Но я по собственному опыту знаю, что не следует выпивать бутылку до дна [1].

Галиани, как и многие энциклопедисты «энциклопедии скептический причет», к которому Пушкин относил и Галиани, симпатизировал Екатерине, восторгался ею и был ослеплен ее успехами. Но беспокойство его было напрасно. Екатерина послала три эскадры (Спиридова, Эльфинстона и Арфа) и имела средства в 1772 году послать еще и четвертую (Чичагова — Коняева), а в 1773 году — даже и пятую (адмирала Грейга), но «молодые короли» все-таки не считали Петербург, Кронштадт, Ревель — беззащитными и не выступили.

Русская императрица знала, что Дания смотрит на Россию как на защиту от Швеции, а Густав III никогда в точности не знал, кто больший ему враг — Дания или Россия. Время для нападения на Россию еще не пришло для Густава III. А для Христиана VII оно и вовсе никогда не пришло.

Только в 1772 году турки осмелели настолько, что проявили поползновение удалить из Архипелага русский флот, шаривший берега Сирии, входивший в сношения с восставшими против Порты друзьями, перехватывавший купеческие суда, пробиравшиеся в Константинополь.

Но, к счастью, русский флот получил во-время большую подмогу.

XIV

8 мая 1772 года из Ревеля вышла для подкрепления русских сил в Архипелаге новая эскадра под начальством контр-адмирала Чичагова. 16 июля она прибыла в Порт-Магон на

[1] Аббат Галиани — И. И. Шувалову. Неаполь, 1 октября 1771 г. «Литературное наследство», тт. 29—30. М., 1937, стр. 282—283.

о. Минорка, где оставалась до 9 августа. Эта задержка была вызвана исправлением повреждений снастей и «умножившимся числом больных».

15 августа эскадра прибыла в Ливорно, откуда Чичагов отправился обратно в Петербург, сдав командование эскадрой капитану Коняеву.

Капитан 1-го ранга корабля «Граф Орлов» Михаил Тимофеевич Коняев прибыл в Средиземное море в составе эскадры контр-адмирала Чичагова и в Ливорно принял начальство над всей эскадрой Чичагова [1].

Он вышел из Ливорно в Архипелаг с тремя кораблями, окрещенными уже после Чесмы: «Победа», «Граф Орлов» и «Чесма».

Под начальством Коняева был поставлен и еще небольшой отряд судов, где начальствовал майор граф Войнович.

Коняев крейсировал со своими судами между Кандией (Критом) и берегом Люфет, недалеко от острова Цериго,— когда неожиданно ему пришлось выдержать опаснейшее испытание.

Ведь кроме лучшей и наиболее могущественной турецкой линейной эскадры, истребленной без остатка перед Чесменской бухтой, у Оттоманской Порты оставались еще суда (преимущественно фрегаты и шебеки) в Адриатическом море, в Мраморном море, в Босфоре, у берегов вассального Туниса.

Дело в том, что перед самым концом осужденных уже давно на неудачу мирных переговоров, происходивших в Бухаресте, турецкое правительство вознамерилось, соединив почти все имевшиеся в его распоряжении эскадры, внезапно ударить на русский флот в Архипелаге и истребить его. Удобнее всего было это сделать, обманув Орлова ложными известиями о будто бы продолжающихся мирных переговорах.

Капитан-паша и пробовал это сделать, но не ему было тягаться в зоркости, хитрости, проницательности и энергии с Алексеем Григорьевичем. Орлов на своем веку и не таких противников видывал, и не наивному восточному лукавцу и примитивному обманщику было провести графа, никогда ни одному

[1] Общий морской список, ч. II, СПб., 1885, стр. 194—196 (формуляр Коняева).

турецкому слову не верившего, даже и тогда, когда турки говорили сущую правду.

Удвоив наблюдение, Орлов вполне точно узнал, что ласковый и миролюбивый капитан-паша усердно собирает в один кулак: 1) дульциниотскую эскадру, состоявшую из 47 фрегатов и шебек с артиллерией от 16 до 30 пушек, с транспортами, на которых сидит восемь тысяч солдат, причем эта эскадра, выйдя из албанского порта Дульциньо (сербское Ульчин) на Адриатике, должна еще взять в морейских приморских крепостях Модоне, Короне и Наполи ди-Романья до четырех тысяч албанцев; 2) тунисскую («барбарейскую») эскадру из 6 военных тридцатипушечных фрегатов и 6 шебек, с тремя тысячами солдат; 3) весь флот, стоящий в Мраморном море и Босфоре, в состав которого входила особая «алжирская» эскадра (число судов не уточнено).

Все эти силы должны были нагрянуть «нечаянным нападением» на русский флот и сжечь его.

«Такие коварные с неприятельской стороны предприятия, производимые уже в действие, принудили меня принять оборонительное оружие», захватить нужные проходы и «отправить в разные места эскадры, а особливо против дульциниотов, морских разбойников, дабы не допустить оных к соединению с тунисцами», доносил Орлов Екатерине 7 ноября 1772 года[1]. Когда он это писал, он не знал еще о блестящем подвиге Коняева и его команды, уже совершившемся.

Получив тревожные известия от Орлова, капитан Коняев проявил немедленно замечательную инициативу и энергию. Узнав, что капитан-паша со своим флотом из девяти тридцатипушечных фрегатов и шестнадцати шебек стоит у Патраса и поджидает из Корфу еще 12 судов с десантом, Коняев принял важное решение: немедленно атаковать капитана-пашу. 25 октября, в час дня, подходя к цели, Коняев увидел турецкий флот. Но погода не позволила немедленно начать атаку. Отложили до следующего утра. Турецкий флот был в подавляюще превосходящих силах, но с первого же дня боев у Патраса,

---

[1] Всеподданнейшее донесение графа А. Г. Орлова с корабля «Ростислав», от острова Миконо, 1772 г., ноября 7. Материалы для истории русского флота, ч. XII. СПб., 1888, стр. 24—28.

то-есть с 26 октября, обнаружилось, что небольшая русская эскадра и управляется несравненно искуснее и сражается гораздо храбрее. Русские «отсекли» от турецкого флота две шебеки и фрегат и жестоко их обстреляли своей артиллерией. На второй день (27 октября) пришлось ограничиться лавированием и наблюдением вследствие очень сильного ветра. Неприятель был усмотрен у самого берега под защитой «двух лезантских крепостей». Сосчитаны были: 8 фрегатов и 14 шебек. Настал третий день — 28 октября 1772 года.

Коняев собрал военный совет, на котором было решено, несмотря на жестокую пальбу береговых батарей и всего неприятельского флота,— идти прямо на сближение и завязать генеральный бой, «надеясь на помощь всевышнего бога», многозначительно добавляет в своей сухой краткой (служебной) реляции капитан Коняев.

Положение было, в самом деле, более чем серьезное. Коняев не колеблясь напал на турок.

В момент подхода к Патрасу в распоряжении Коняева были два корабля («Граф Орлов» — 64 пушки, «Чесма» — 74 пушки), два фрегата («Св. Николай» — 26 пушек, и «Слава» — 16 пушек), две «поляки» («Модон» и «Ауза» — по 12 пушек) и одна шебека («Забияка» — 18 пушек). Но у неприятеля было 8 фрегатов (по 30 пушек) и 14 шебек (на одних — по 30, на других — по 20 пушек). Русская атака при таких условиях являлась делом не только рискованным, но прямо опасным.

В сражении с русской стороны участвовали все вышеперечисленные суда, а с турецкой стороны — в общей сложности 22 судна, из которых 6 было уничтожено, а остальные спаслись бегством под защиту береговых батарей. Граф Орлов получил донесение о Патрасской победе от капитана Коняева 14 ноября 1772 года, т. е. через 16 дней после события.

В дополнение к сказанному приведем записи шканечного журнала корабля «Граф Орлов», начиная с момента приготовления к генеральному бою Коняевской эскадры против турок, то-есть с половины восьмого утра 28 октября. Вот кое-что из того, что записывал час за часом в этот день ведший шканечный журнал штурман Савва Мокеев:

10 час. «В начале 10 часа с обоих крепостей и с неприятельского флота начали производить по нас пальбу, но мы несмотря на страсть оной, надеялись на свое мужество и на помощь всевышнего бога чем себя охотно побуждали дать баталию и мы с эскадрою усиливали притти к неприятелю в ближнее расстояние дабы наши пушки удобнее их вредить могли.

11 час. В исходе 11 часа и выстрелом от нас из пушки сигналом велено лечь на якорь и вступить в бой с неприятелем. Вся эскадра лавировалась и поворачивали каждый особо как им было способно, стараясь только о том чтоб притти на ближнее расстояние к неприятелю. Глубина по лоту 35—30—25 сажень, грунт — ил.

12 час. В ½ 12 часа приблизившись мы к неприятельскому флоту от ближнего к нам неприятельского фрегата 2 кабельтова более не было хотя «Чесме» и определено стать к крепости первой но присмотря наш командующий что́ на оной сделалось помешательство в управлении также и в парусах и начала спускаться под ветр и надежды не предвидел от нея сделать успеха но на место оной приказано от командующего заступить самим и на глубине 20 сажень ил грунт убрав паруса положили якорь... и начата от нас по неприятельскому флоту, лежащему к крепости и в крепость куда только было удобно действовать сильно жестокая пальба с левого борта с обоих деков ядрами книпелями и картечью брандскугелями, а с «Чесмы» и фрегата «Николая» также сильно, а фрегат «Слава» и шебека «Забияка», находясь под ветром под парусами ближе к эскадре имели баталию с неприятелем куда их было можно с таким же успехом, что лучше ото всех желать не можно, а «Мадон» и «Ауза» будучи тогда вдали от нас под ветром не имели случая биться, в исходе часа увидели мы от нашей

с эскадрою сильной пальбы с неприятельских судов люди бросалися в воду и с великой торопливостью, иные съезжали на берег и по ним еще более от нас пальба происходила и сшибли в 6-х стоящего фрегата безань мачту и зажжен от наших брандскугелей... А в неприятельском флоте на многих уже шебеках и фрегатах на ближних к нам спущены флаги и вымпелы, в которых мы палили и оных оказалось, что те неприятельские суда от нашей эскадры побежденные сделались» [1].

Бежавший турецкий флот пробовал укрыться под защитой береговых батарей.

Развязка боя, по существу уже решенного в пользу русских 26 октября, наступила 29-го. Эскадра Коняева в этот день систематически громила артиллерией и поджигала брандскугелями сбившийся у берега, разбитый и совсем уже беспомощный турецкий флот.

К 4 часам дня все было кончено. У русских потерь почти вовсе не было.

Приводим детали из шканечного журнала корабля «Граф Орлов» (флагманского) за 29 октября [2].

1 час «В неприятельском флоте 8 фрегатов из коих 1 горит да 12 шебек. В ½ часа поворотили мы овер-штаг на левый галс, и посланы от нас на шлюпках вооруженных с карказами для зажжения неприятельских побежденных нами судов констапель Сукин под защищением шабеки Забияка, а после лейтенант Макензи и при нем небольшая егерская команда и велено ему Макензи из неприятельских судов стараться привести к эскадре ежели можно, в 1 час поворотили мы овер-штаг на правый галс, тогда по нас с обоих крепостей и со стоящих при южной крепости флагманского турецкого фрегата, из шабек

---

[1] ЦГАВМФ, фонд: Шканечные журналы, корабль «Граф Орлов», № 1114, 1772, лл. 98 об.— 100.

[2] Там же, лл. 101—102.

происходила пальба из пушек и от нас противу их столь сильно и скоро что напоследок принудили неприятельские суда бой оставить, потом мы пошли к NW для отдаления от крепостей потому что примечено имеющимся течением в Лепанский залив нас сильно дрейфует.

2 час. В начале часа шабека Забияка пришедши близко побежденных неприятельских судов и для очищения берега чтоб шлюпкам безопаснее было зажигать суда, палила на берег и по судам из пушек, сие сделать от командующего нашего приказано было и зажжено видно от Патраса стоящие во 2-х шабек 1 шабек из 4-х и 5-х фрегатов 2, в ½ 2-го часа отдали мы рифы и распустили брамсели, в 2 часа фрегат Слава подходил к неприятельским побежденным судам-же и для очищения берега дабы шлюпкам можно безопасно исправить дело палил из пушек и видно было лейтенант Макензи приставал в 7-х к стоящему от Патраса фрегату и отданы были нашими людьми на оном марсели, потом съехав со оного Макензи и в 9-х к стоящему фрегату им зажжен а в 8-х стоящей шабеке сам загорелся, а в 11-х стоящий фрегат, который еще прежде шел под парусами почитали мы брандером сам загорелся и свалившись в 10-х стоящею шабекой и оная от фрегата загорелась-же, тогда-ж с фрегата Николай посланный барказ видно было приставал в 7-х к стоящему фрегату, а отъехав от оного к 2- стоящей шабеки которая от их загорелась, а в 1-х стоящий фрегат с шабеки Забияки видно посланным барказом зажжен».

В этот (последний) день боя 29 октября 1772 г. Коняевская эскадра, как видим, просто сжигала одно за другим турецкие суда и сожгла все те, которые не успели ускользнуть накануне и ночью.

В общем же, 28 и 29 октября русская эскадра сожгла семь фрегатов и восемь шебек. Один фрегат успел втянуться

в Лепантский залив, но был уже так поврежден, что на другой день затонул. Шесть шебек успели спастись бегством.

Все русские корабли вполне уцелели. В русских экипажах потери были совсем ничтожны: убит лейтенант Козмин, ранены — лейтенант Лопухин и пять матросов. Все семь жертв — на корабле «Чесма».

Таков был по этим окончательным подсчетам победоносный бой у Патраса 26, 28 и 29 октября 1772 года [1].

XV

Угроза русским позициям в Архипелаге с севера, из Патраса — была ликвидирована, и известия об этом событии граф Орлов получил значительно раньше, чем еще одну отрадную новость о том, что и другая турецкая угроза, шедшая с юга, от египетских берегов — тоже ликвидирована.

Нужно заметить, однако, что лейтенант Алексиано, герой этой победы на юге, выступил даже еще за несколько дней до Коняева, как только до него дошло предупреждение о готовящейся коварной атаке турок на русский флот.

Зоркость Алексея Орлова и ловкость его осведомителей позволила ему выследить турецкие приготовления не только на севере от Архипелага — в Дульчинье (Дульциньо), на берегу Адриатики, но и на юге, в Александрии и Дамиетте («Дамиатте»), потому что турки собирались ударить на русский флот одновременно с двух сторон, а пока тщетно пытались «ласкательствами» и обманными вестями о продолжении перемирия и о близком мире усыпить внимание русского главнокомандующего.

Но их надежды оказались тщетными.

Орлов во-время разгадал эти замыслы и, как мы видели, предупредив, с одной стороны, капитана Коняева, который тотчас же и отправился со своей небольшой эскадрой в Лепантский залив, чтобы там напасть на неприятеля, уже стоявшего с «дульциниотскими» и рагузинскими судами и ждавшего новых подкреплений из Дульциньо,— с другой стороны,

---

[1] А. Кротков. Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1893, стр. 465.

во-время известил о турецких замыслах и лейтенанта Алексиано, крейсировавшего близ острова Кипра.

Оба русские моряка и их экипажи оказались на высоте положения и проявили перед лицом гораздо более сильного неприятеля в самом деле изумительную, доходящую до отчаянной дерзости отвагу.

Первым выступил Алексиано, у которого в распоряжении, в сущности, были лишь один фрегат и одна фелука. Узнав, что под стенами крепости Дамиатты (так называли Дамиетту) стоят два больших вооруженных судна, каждое о 20 пушках, с экипажем до 700 человек и еще несколько более мелких судов,— он немедленно помчался туда.

Предоставим дальше слово Алексею Орлову, который доносил Екатерине о сражении 21 октября 1772 года под Дамиеттой (Дамиаттой) и о полной победе настоящего героя Алексиано и его матросов следующее (это было уже второе, более подробное донесение Екатерине): «Получа такие известия помянутый лейтенант Алексиано пошел того же дня с одною фелукою прямо к Дамиате, куда прибыв 21 числа [октября.— *Е. Т.*], по утру нашел неприятеля в таком точно состоянии, как об нем сказано было, но как скоро начал он подходить ближе и поднял на фрегате и фелуке российский флаг, то неприятель, будучи сим потревожен, произвел из судов и крепостных стен пушечную пальбу, однако и тем не мог защитить одного небольшого своего судна, которым вооруженная фелука легко овладела, а лейтенант Алексиано пользуясь сим смятением решился атаковать неприятеля в порте; почему не взирая на производимый с трех сторон огонь, пошел он прямо в средину двух больших судов, где бросив якорь тогчас вступил в бой, который сперва продолжался с великою с обоих сторон жестокостью и отчаянием чрез 2 часа, а потом, увидя неприятель не малое число убитых и раненых из своего экипажа, а притом разбитие судов и появившуюся течь, начал бросаться в море для спасения жизни и на шлюпках, барказах и вплавь пробираться к берегам, чему и из других судов последовали экипажи, и сим решилось наконец сражение. Лейтенант Алексиано, по потоплении двух разбитых судов и по взятии фелукою несколько других мелких, удалился от крепостных пушечных выстрелов, стал на якорь на рейде

и простоял тамо до другого утра в ожидании прибытия Селима-Бея и других судов из Александрийского порта. 22 числа пред полуднем, увидя в море под турецким флагом идущее прямо к Дамиатскому порту судно и считая что на оном помянутый бей находился, изготовился к новому сражению и как скоро оное подошло ближе к фрегату, то Алексиано, подняв российский флаг, сделал несколько по нем выстрелов, а сия нечаянность бывшего на судне неприятеля столь сильно устрашила, что он без всякого сопротивления опустя флаг отдался военнопленным и перевезен фелукою на фрегат и другие взятые в порте суда; в числе пленных был помянутый Селим-Бей с тремя главнейшими агами, разными другими офицерами и служителями, коих всех осталось 120 человек турков, на судне ж найдено: магометов штандарт, 7 знамен, 4 серебряные перья, значащие отличное турецких офицеров достоинство и заслуги, за которые жалует султан сими знаками, булав 4, топорков 3, щитов 3, большие литавры, 2 флага и 8 пушек с множеством разного оружия.

О разбитии и сожжении турецких судов при стенах крепости Дамиата и о взятии Селима-Бея в полон дошедшее до Александрии известие произвело тамо великое смятение, так что городской комендант, опасаясь приближения туда российской эскадры, тотчас приказал разрушить суда и снять все войска для защищения крепости и порта, а сие уже и доставило лейтенанту Алексиано безопасность к свободным при египетских берегах разъездам и к пресечению неприятельской торговли удержанием разных за счет турков провозимых товаров и учинением диверсии и тревоги во всем Египте и Сирии, куда он соединяясь с полякою офицера Паламиды и удалился средних чисел ноября для продолжения и при сирийских берегах над неприятелем поисков»[1].

Огромно было значение Патрасской победы эскадры Коняева и Дамиеттской победы Алексиано. После этого нового разгрома турки уже ни разу вплоть до конца войны не осмелились потревожить русский флот в Архипелаге прямым, сколько-нибудь значительным нападением. А ведь между Пат-

[1] Материалы для истории русского флота, ч. XII, стр. 129—130.

расским боем 28 октября 1772 года и заключением Кучук-Кайнарджийского победоносного мира 10 июля 1774 года прошел год и восемь месяцев, и у турок конечно, еще оставались боеспособные суда, потому что Коняев истребил только флот, стоявший у входа в Лепантский залив, но суда, которые этот флот поджидал и с севера, из Дульциньо («дульциниотские») и с юга, от берберийских берегов (от Туниса) — оставались еще в распоряжении Порты. Однако страх, наведенный на Константинополь истреблением фрегатов у Патраса и у Дамиетты в конце октября 1772 года, оказался настолько сильным и длительным, что напомнил до некоторой степени о впечатлении, произведенном истреблением линейного флота под Чесмой в конце июня 1770 года.

Вскоре стало совсем ясно, что русские останутся владыками занятых ими островов Архипелага ровно столько времени, сколько найдут нужным там оставаться.

Екатерина была восхищена полным провалом турецкой попытки внезапным нападением уничтожить русский флот в Архипелаге в нарушение условий перемирия. Ее больше всего возмущало, что эта попытка совершена была во время перемирия, заключенного Спиридовым с турками (в соответствии с общими мирными русско-турецкими переговорами 1772 года).

Лишь в феврале 1773 года узнала императрица об этих октябрьских победах капитана Коняева при Патрасе и Алексиано — под Дамиеттой.

«Граф Алексей Григорьевич,— писала Екатерина Орлову в собственноручном письме от 21 февраля 1773 года,— с великим удовольствием усмотрела из ваших последних реляций о новых, вами полученных по истечении второго перемирия победах над вероломным неприятелем»... Получив новые подробности, Екатерина удостоверилась, что нападение турок было совершено во время перемирия, в расчете на то, что русские, доверяя честности турок, не успеют подготовить должный отпор внезапной, коварной атаке... «К особливому нашему удовольствию,— писала она Орлову спустя четыре дня после первого письма,— усмотрели мы с какой рачительной прозорливостью предуспели вы опровергнуть вероломного неприяте-

ля нашего против вас умысел и тем самым нанесли ему, конечно, великий удар» [1].

Мирные переговоры, начатые было в Бухаресте в марте 1773 года, оборвались, не приведя ни к какому результату, и «завиствующие нам дворы», т. е. прежде всего Франция — открыто, а Пруссия и Австрия — тайно ведшие все время подкоп под эти мирные переговоры и подстрекавшие Оттоманскую Порту к продолжению войны, могли быть довольны.

Однако герцог Верженн так же, как его непосредственный предшественник герцог д'Эгильон, не решился на то, на что, безусловно, готов был решиться, но смутился только из-за противодействия Англии, павший в 1770 годы Шуазель. Прямой помощи туркам в Архипелаге Франция не оказала

Следует тут снова вспомнить, что благожелательные предостережения и спасения Галиани были совершенно напрасны. Как и все почти иностранцы, он не знал, что русские к концу войны бывают, обыкновенно, еще сильнее, чем вначале. Петербургское адмиралтейство оказалось вполне в силах после посылки трех эскадр (Спиридова, Эльфинстона и Арфа) в 1770 году, после посылки четвертой эскадры (Чичагова — Коняева) в 1772 году, отправить в Архипелаг еще и пятую, в конце октября 1773 года. Эту пятую эскадру повел в Архипелаг герой Чесмы, теперь уже контр-адмирал Грейг, вызванный в свое время в Петербург и там некоторое время пребывавший.

В эскадре Грейга, вышедшей из Кронштадта 21-го октября 1773 года, было четыре корабля (один с 74 орудиями и три — по 66 орудий), два фрегата, шесть транспортов, нанятых у англичан.

Вооруженных чинов во всей эскадре было 2469 человек.

Но этой эскадре, явившейся в Средиземное море к самому концу войны, уже не пришлось принять участие ни в блокаде Дарданелл, для усиления которой ее и выписывал Алексей Орлов, ни в других военных действиях, так как в случае продолжения войны Орлов намечал нападение на два наиболее торговых города Оттоманской империи — на Смирну и

[1] Рескрипт императрицы Екатерины II, данный на имя графа Алексея Григорьевича Орлова, 25 февраля 1773 г. СРИО, т. I, стр. 90—91.

Сирии и на Салоники. Это уже не состоялось. Тем не менее, приход этой пятой эскадры в самый момент Кучук-Кайнарджийских переговоров явился очень полезной демонстрацией полнейшей готовности России продолжать, если понадобится, войну со всей энергией.

Отправляя Грейга с этой пятой эскадрой в Архипелаг, Екатерина снабдила его инструкцией, в общем сходной с теми указаниями, которые давались командирам предшествующих эскадр: попрежнему — зорко и осторожно держать себя относительно враждебных («Бурбонских») государств — Франции и Испании и попрежнему (и даже более прежнего) твердо верить в помощь Англии:

«Об Англии справедливо можем мы сказать, что она нам прямо доброжелательна, и одна из дружественнейших наших держав, потому что политические наши вкусы и интересы весьма тесно между собой связаны и одним путем к одинаковой цели идут. Кроме того, имеем мы с Великобританскою короной трактат дружбы и коммерции...» Таким образом, «изъяснилися мы откровенно с королем Великобританским и получили уверение, что военные корабли наши приняты будут в пристанях его владения за дружественные, и нами таковые снабжаемы всякою, по востребованию обстоятельств, нужною помощью» [1].

Однако должно тут же заметить, что уже не все английские дипломаты после Чесмы одинаково искренно проводили «руссофильскую» политику своего кабинета. Английский представитель в Константинополе Мэррей принадлежал к тем, кого русские победы на море уже начали приводить в большое беспокойство. Он начинал бояться за английские позиции на морях Леванта и поэтому тайно поощрял турок к продолжению войны в 1772 году, когда в Константинополе решили было идти на перемирие. Но поведение Мэррея вызвало суровый отпор и окрик со стороны его прямого начальства, министра лорда Рочфорда, который написал ему 24 июля 1772 года: «Его величество и его министры не могли считать иначе, как

[1] Рескрипт императрицы к контр-адмиралу С. К. Грейгу. Дан в Санкт-Петербурге, 9 октября 1773 года. СРИО, т. CXVIII. СПб., 1904, стр. 473—477.

необычайным непониманием с вашей стороны вашего долга, тот совет, который вы решились подать Порте на основании ваших собственных соображений... Совет, прямо направленный против заключения мира (между Портой и Россией), тогда как постоянным желанием его величества было ускорить насколько возможно заключение этого мира (pacification)». Этого сурового выговора было, конечно, вполне достаточно, Мэррей смирился.

Так, до конца Архипелагской экспедиции и, шире, до конца русско-турецкой войны 1768—1774 годов дипломатическая обстановка в Европе продолжала складываться самым благоприятным для России образом. Десятилетие, следовавшее за окончанием Семилетней войны, т. е. 1763—1773 годы, можно в самом деле назвать «декадой французской прострации», как выражается автор новейшей (и наилучшей) истории дипломатии Соединенных Штатов Сэмюэль Бемис [1]. А в 1774—1783 годах Франция была поглощена подготовкой к войне против Англии на стороне восставших североамериканских колоний и затем самой этой войной. Таким образом, победоносные русские эскадры успели не только пройти в Архипелаг и властвовать там больше четырех лет, но и вполне благополучно оттуда вернуться. Обе великие морские державы — Франция и Англия — подстерегали, сдерживали, обессиливали друг друга все эти долгие годы, и одна из них поэтому при всем своем желании не могла, а другая и не находила для себя выгодным мешать русским победам.

В 1773 году в Архипелаге русский флот состоял из 13 линейных кораблей, 18 фрегатов, 3 бомбардирских судов, 3 пинков и 1 пакетбота. В 1774 году этот флот еще усилился приходом пятой эскадры (Самуила Грейга).

Таковы были силы, твердо державшие в руках владычество на море и на 20 островах Архипелага. Укрепиться на материке не удавалось ни в Сирии, ни на Морее, ни на имевшем крепость и большой турецкий гарнизон острове Станкио (или Станко), куда ходила специально выделенная небольшая эскадра капитана Хметевского, высадившая 31 июля и в первые

[1] Samuel Flagg Bemis. Diplomatic history of the United States. New York, 1942, p. 15.

дни августа 1773 года десант, состоявший в подавляющем большинстве из «албанцев и славонцев»[1]. Десанты приходилось после эфемерных успехов принимать обратно на корабли: слишком мало было налицо русских регулярных сил.

Зато на море русский флот не встречал уже никакого сопротивления.

Русские суда «шарили берега». В 1772 году капитан Марк Войнович уничтожил под Лагосом шесть судов и взял в плен три; ходили русские суда и под Бейрут и под Сидон, с успехом помогая восставшим против Порты сирийцам и египтянам.

Вообще же все эти долгие годы русский флот был хозяином на северо-востоке Средиземного моря.

Тот же бесхитростный и правдивый дневник капитана «Трех святителей» Степана Петровича Хметевского говорит нам об очень эффективной блокаде на Архипелаге, установленной русским флотом, взявшим множество торговых судов с товаром, причем суда причислены были к русскому флоту, а товар конфискован. Брали и фрегаты, когда те осмеливались показываться.

Орлов, обыкновенно, отпускал на волю турок, которых брали в плен албанцы, действовавшие в помощь русским. Однажды турецкий паша в «возблагодарение» прислал Орлову лошадь в нарядной упряжи, а адмиралу Спиридову кинжал. Паша при этом спрашивал: приказано ли ему будет жить поблизости или удалиться? и прибавил, что «он русских не опасается, а боится албанцев». Дело было на Масконийских островах. Орлов ответил, чтобы паша «жил безопасно», и тоже послал ему подарок. А русский флот запасся там водой[2]. Словом, даже в тех местах, где турки были в большом количестве и русские не могли овладеть территорией,— турки не противились «мирному» пребыванию русской эскадры у берега.

Вплоть до своего ухода русский флот совершенно самовластно царил в Архипелаге. То, что у турок к концу войны осталось или было выстроено или куплено после разгрома у Чесмы в 1770 году и после русских побед у Патраса и у

---

[1] Журнал капитана Хметевского. «Современник», т. XLIX, 1855, стр. 151—156.

[2] Там же, стр. 77—78.

Дамиетты в 1772 году, пряталось в Мраморном море и в Босфоре, не смея показаться оттуда, хотя блокада поддерживалась русскими в последние год-полтора перед заключением мира при помощи небольших эскадр, так как значительных сил для этого вовсе и не требовалось.

Вот общая картина, рисуемая в донесении Орлова, посланном Екатерине 5 марта 1773 года: «Что же принадлежит до производимых ныне со стороны Оттоманской Порты вооружений, то оная старается во всех местах строгими фирманами набирать сухопутные войска, для усиления армии, хотя по дошедшим ко мне известиям народная подлость [простой народ.— *Е. Т.*] и неохотно на то соглашается; во всех приморских, купеческих городах удерживаются насильно матросы и отправляются сухим путем в Константинополь, где ныне находится весь турецкий флот, линейные корабли и мелкие суда для починки тамо, и вооружения нужным снарядом и экипажем. По общему слуху считается ныне 9 линейных кораблей всех, старых и вновь построенных, как в разных портах Черного моря, так и в Константинополе с множеством тартан, шебек, галер и других мелких судов, с коими капитан-паша намерен выйти из канала в Архипелаг, чего однако и ожидать ненадежно, за недостатком нужного числа матросов. Равномерно ж и остатки дульциниотских судов с поспешностью вооружаются при своих берегах, не показываясь в открытом море.

Для удержания неприятельских покушений эскадра от флота В. И. В., состоящая из 5 линейных кораблей и нескольких фрегатов, под командой контр-адмирала Грейга, разъезжает при устье Дарданельского канала, корабли же «Чесма» и «Ростислав» находятся в Наксийском канале»... [1].

Так турки и оставались закупоренными у Константинополя до конца войны.

Только после окончательной ратификации победоносного Кайнарджийского мирного договора Алексей Орлов выпустил турецкий флот из этого тесного заточения.

---

[1] Материалы для истории русского флота, ч. XII, стр. 132—133. Орлов — Екатерине. С корабля «Чесма», при острове Наксии, 1773 года, марта 5.

XVI

В дипломатических кругах всей Европы русские победы в эту войну на море и на суше, вообще говоря, произвели ошеломляющее впечатление. Недаром, когда турки, наконец, признали себя побежденными и подписали 10 июля 1774 года мирный договор в Кучук-Кайнарджи, Екатерина с таким веселым любопытством наблюдала физиономии послов, аккредитованных при ее особе. «Я видела в Ораниенбауме весь Дипломатический корпус, и заметила искреннюю радость в одном Англинском и Датском министре; в Австрийском и Прусском менее,— писала она Штакельбергу, своему послу в Варшаве,— Ваш друг Браницкий смотрел Сентябрем, Гишпания ужасалась, Франция печальная, безмолвная, ходила одна, сложив руки, Швеция не может ни спать, ни есть. Впрочем мы были скромны в рассуждении их и не сказали им почти ни слова о мире; да и какая нужда говорить об нем? Он сам за себя говорит» [1].

Екатерина знала, какую роль сыграла, в частности, Чесма и вся Архипелагская морская экспедиция в общем счастливом завершении войны, и поспешила о том же приеме Дипломатического корпуса написать и Алексею Орлову 28 июля 1774 года: «Вчерашний день здесь у меня ужинал весь дипломатический корпус, и любо было смотреть, какие были рожи на друзей и недрузей [sic!]; а прямо рады были только датский да англинский».

Немудрено, что Дания и Англия были в тот момент очень довольны: датчане были прямо заинтересованы в предстоящем возвращении русского флота и русских армий, ввиду вечной угрозы, испытываемой Данией со стороны Швеции и Пруссии, а британский кабинет был очень доволен полным провалом всех французских усилий и расчетов в Константинополе. Франция могла легко вмешаться в явно назревавшую (и частично уже начавшуюся) войну североамериканских колоний против Англии (что, в конце концов, как известно, и произошло), и русское торжество на Леванте неминуемо долж-

[1] Переписка императрицы Екатерины II с разными особами. СПб., 1807, стр. 84.

но было на некоторое время связать французам руки и отвлечь их внимание от Атлантики к Черноморью. Австрии и, особенно, Пруссии радоваться было нечему: чем более крепчала мощь России, тем, конечно, затруднительнее становилось их положение. Это-то Фридрих II понимал особенно хорошо. Наконец, нечего и говорить о том, что Франция и связанная с ней Испания ощущали поражение Турции как свое собственное.

Русский флот не уходил из Архипелага несколько лет, и турки не только не смели против него что-либо предпринять, но русские суда, свободно крейсируя в водах Леванта, время от времени успевали останавливать и уничтожать турецкие корабли, которым не удавалось во-время скрыться от преследования.

Длительного, прочного военного результата «навсегда» это долгое пребывание русского флота в Архипелаге дать не могло. Русские не располагали там сколько-нибудь серьезными воинскими силами. Победоносный флот не мог никак заменить отсутствующую армию. Но, безусловно, пребывание нашего флота в Архипелаге сыграло очень положительную роль в чисто дипломатическом отношении при переговорах, кончившихся Кучук-Кайнарджийским миром.

Русская армия в эти же годы одерживала одну за другой замечательные победы под Ларгой, под Кагулом, под Рябой Могилой. Но и Чесма стояла все время грозной тенью перед турецкими уполномоченными.

Согласно условиям победоносного для России Кучук-Кайнарджийского мира 10 (21) июля 1774 года русские, взамен обширных приобретений в других местах и огромных, ценнейших для России уступок со стороны Турции, вернули Порте Архипелаг, и наши суда потянулись к западу, чтобы через Гибралтар и океан вернуться домой.

Русский флот в момент своего ухода из турецких вод состоял из 15 линейных кораблей, 21 фрегата, 9 галер и приблизительно 50 мелких судов. Ему предстоял долгий и трудный путь по Средиземному морю, через Гибралтар, по Атлантическому океану, через Скагеррак, Каттегат, по Балтийскому морю... Он шел с большими задержками, испытывая бури, страдая от аварий, и даже через год после заключения мира

прославившие русский морской флот эскадры стояли в Ревеле и Кронштадте на рейде далеко еще не в полном составе.

Но враждебных нападений от испанцев и французов на этот раз, в 1774—1775 годах, русский флот мог опасаться еще менее, чем в 1769—1770 годах, когда он только еще шел завоевывать свои чесменские лавры: Англия уже явно была накануне войны со своими восставшими североамериканскими колониями и имела все основания подозревать Испанию и Францию в самых враждебных намерениях. Позволить им истребить русский флот англичане ни в каком случае не желали. И флот вернулся домой никем не тревожимый.

В заключение приведем подсчеты, сделанные на основании архивных данных Гидрографического департамента и опубликованных в VII томе «Записок» этого департамента А. Соколовым. Подсчеты относятся ко всем пяти годам (1769—1774 гг.), пока продолжалась экспедиция в Архипелаг.

Вот каковы издержки на это длительное военноморское предприятие:

«Стоимость кампании».

«Всего, в течении пяти лет, было *послано* из наших портов в Архипелаг: 20 кораблей, 5 фрегатов, 1 бомбардирское судно и 8 мелких; *куплено*: 11 фрегатов и 2 бомбардирских судна; *взято в приз*, не считая поляк, шебек, галер и т. п., 1 корабль, 10 фрегатов. Из этих судов *разломано* за ветхостью: 4 корабля (Северный Орел в 1770 году, Иануарий, Трех Святителей и Не тронь меня в 1775 году), 6 фрегатов (Надежда благополучия 1773 г., Зея, Мило и Андро 1772 г., Миконо и Делос 1773 г.), 1 бомбардирское судно (Гром) и 2 мелких (пинки Св. Павел 1772 г. и Соломбала 1773 г.); *погибло:* 4 корабля (Евстафий в 1770 г. разбился, Родос — пленный — в 1770 г. сожжен, Азия в 1773 г. без вести пропал) [1], 2 фрегата (Феодор и Санторин, 1771 г.) и 3 мелких судна (пинк Лапоминк, судно Чичагов, пакетбот Летучий). Затем возвратилось к своим портам: 13 кораблей, 16 фрегатов, 2 бомбардирских судна и 3 мелких. Всех команд, в эти 5 лет, было отправлено (по счету коллегии) 12 200 человек; не возвратилось 4516. О суммах, употребленных на содержание флота, сведения наши

[1] Здесь не указан четвертый погибший корабль — «Святослав» (*Е. Т.*).

не полны: снаряжение первых трех эскадр (1769—1771) обошлось в 1 576 749 рубл.; содержание четырех эскадр в 1772—73 г. обходилось в 508 725 рубл., содержание 5 эскадр в 1775 г. стоило 565 142 рубля, следовательно, во все 6 лет издержано на снаряжение и содержание эскадр — 3 149 341 рубл.; вновь, сверх штата, для настоящей войны собственно построенные суда, стоили 1 285 598; всего 4 434 939 рубл. Но сюда не вошли суммы, ассигнованные непосредственно из Государственного Казначейства: Графу Орлову, при самом начале кампании, на чрезвычайные расходы 300 000 рубл., Адмиралу Спиридову 480 000, Эльфинстону и Арфу по 200 000; суммы посылавшиеся графу Орлову в последствии; подати, собираемые с островских жителей; призовые части, поступавшие в казну, и проч. и проч.» [1]. Пояснение к этим подсчетам гласит, что тут 2 р. 60 коп. принимаются равными одному червонцу.

XVII

Чесма и вся экспедиция в Архипелаг — плод блестящих боевых качеств русского флота и оперативности русской дипломатии.

Русские эскадры входят в Средиземное море, обогнув все побережье Западной Европы. Они входят туда под прямой угрозой нападения со стороны французского флота, который в несколько раз сильнее русских эскадр. Русские не имеют никаких собственных морских баз, никакой точки опоры, в полной изоляции от России и лицом к лицу с Тулоном, где уже лихорадочно готовятся военные суда, предназначенные Шуазелем для того, чтобы напасть и пустить на дно русские эскадры. Но русские самым спокойным образом пристают к Гибралтару, потом к порту Магон на Минорке, отдыхают, чинят свои суда после долгого и трудного плавания, идут оттуда никем не тревожимые в Архипелаг, топят при Чесме турецкий флот, больше четырех лет властвуют на Архипелаге, и, тем же порядком, возвращаются в Средиземное море, а оттуда — в Балтийское. Но за это время из Лондона отправляются в Париж не официальные, но вразумительные предостережения: на мобилизацию французского флота в Тулоне, если она не

[1] А. Соколов. Архипелагские кампании. Записки Гидрографич. департ. Морского министерства, ч. VII, СПб., 1849, стр. 400—401.

прекратится, будет немедленно отвечено мобилизацией английского флота в Портсмуте, Плимуте, Лондоне. На вооруженное нападение французов и союзных с ними испанцев против русских будет немедленно отвечено нападением английского флота на французов. И французы смирились.

Все это было достигнуто русской дипломатией без малейших жертв, уступок, обещаний в пользу англичан. Екатерина просто правильно учла всю расстановку сил на дипломатической шахматной доске и сделала должные выводы. Не могут англичане допустить победы двух бурбонских дворов на Средиземном море, потому что после истребления русских эскадр это море и огромная левантийская на нем торговля окажутся в прочном владении Франции, Испании и турок, союзников Франции. И не может Шуазель пойти на безумный риск полной гибели французского средиземного флота от руки англичан из-за одного только дела спасения турецкого флота в Архипелаге.

Все это было, вопреки советам и предостережениям шедшим из Европы, обдумано, обсуждено и осуществлено обоими Орловыми, Алексеем и Григорием, русской морской коллегией, адмиралтейством и решено окончательно «Петербургским кабинетом», который, по словам князя де Линя, помещался в пространстве от лба до затылка Екатерины Алексеевны. Все эти расчеты блестяще оправдались. Русская дипломатия расчистила и облегчила путь адмиралам и доблестным балтийским морякам, и русский флот при Чесме получил возможность вписать одну из самых ярких страниц в летописи русской славы. Сказочный русский морской поход, который, по предсказаниям чуть ли не всей Европы, мог кончиться страшной катастрофой, завершился блистательной победой.

Екатерина отдавала себе полный отчет в громадном впечатлении, произведенном победоносными действиями русских эскадр в этих далеких южноевропейских водах. «Посылку флота моего в Архипелаг, преславное его там бытие и счастливое возвращение за благополучное происшествие государствования моего почитаю»,— так заявила императрица президенту морской коллегии графу Ивану Чернышеву в 1775 году, когда ей доложили, что вице-адмирал Елманов благополучно привел в Кронштадт последние корабли из Архипелага.

Награды щедро посыпались на участников экспедиции. Алексей Орлов получил Георгия 1-й степени и наименование Чесменского. Георгиевскими крестами и другими орденами и отличиями и большими денежными наградами были почтены Спиридов, который получил звезду Андрея Первозванного, Грейг — Георгия 2-й степени; награждены были капитан «Европы» Клокачев, командир «Евстафия» Круз, командир «Трех Святителей» Хметевский, командир «Ростислава» Лупандин, командир «Не тронь меня» Бешенцов, молодые герои брандеров Ильин, Мекензи, Дугдаль, герой Патрасского боя Коняев, герой Дамиетты Алексиано. Особенно отличившиеся матросы не получили тех наград, которых они были достойны за свою храбрость, выносливость, стойкость. По крайней мере, источники об этом не распространяются.

Блеск русской славы сиял над Чесмой, над Ларгой, над Кагулом. Зависть, недоумение, порой невольное восхищение и прежде всего беспокойство, овладевшее многими европейскими кабинетами впервые после Чесмы, сказывались в правящих кругах Европы все более и более.

Фридрих II, например, был прямо удручен русскими успехами и на море и на суше. Ему ли, у которого русские отняли Пруссию и который еле унес от них ноги с Кунердорфского кровавого поля, где легла вся его армия, ему ли так угодливо и так бесстыдно льстившему всю жизнь Екатерине, было не бояться новых, неслыханных русских побед, ему ли было не завидовать кучук-кайнарджийским достижениям России, дававшим ей Черноморье, сулившим ей в ближайшем будущем Крым, Кавказ?

Фридрих был теперь готов даже примириться с главным тогдашним недругом Пруссии австрийским императором (которого он ненавидел и который платил ему полной взаимностью); он стал делать попытки войти с ним в дружбу, лишь бы настроить его против России. «Со временем ни вы, ни я, мы не можем сдержать этих людей [русских], но для этого понадобится вся Европа, турки перед ними — ничто» [1],— сказал

[1] «Avec le temps ni vous, ni moi, nous ne le pouvons pas, mais il faudra toute l'Europe pour contenir ces gens-là, les turcs ne sont rien à côté d'eux».

прусский король Иосифу II, встретившись с ним на берегах реки Нейссе в городе Нейссе.

Он, хваставший своим даром исторического предвидения, не предугадал только, что и «всей Европы» может нехватить, чтобы «сдержать этих людей», и что при войне против России, затеянной в XX веке его подражателями, окажется трудным урвать что-нибудь у русского народа, но зато легко будет потерять и всю Пруссию, и хотя бы, например, город Нейссе и вот эту самую реку Нейссе, на берегах которой Фридрих II подстрекал австрийского императора и вел антирусскую пропаганду...

Нашему флоту в будущем предстоит великая роль не только на далеких просторах мировых океанов, но и на самом большом из внутренних морей — Средиземном.

Герои Чесмы и Архипелага как бы проложили туда путь Ушакову и Сенявину, и Спиридов, Грейг, Ильин, моряки «Евстафия», «Трех Святителей», «Европы», «Трех иерархов», Коняев и матросы Коняевской эскадры, лейтенант Алексиано и его маленькая команда не должны быть забыты их потомками, покрывшими в Сталинскую эпоху русский флаг новой яркой славой.

Воспетый Пушкиным «шкипер славный», который «придал мощно бег державный корме родного корабля», был Петр, а Спиридовы, Грейги, Ушаковы, Сенявины этот «державный бег» не остановили, и каждое новое поколение с тех пор увеличивало славу русского народа вообще и славу русских моряков в частности. Так оно и продолжало идти — от Чесменских героев к Ушакову и Сенявину, от Ушакова и Сенявина к Лазареву и Нахимову, от Нахимовского Севастополя к Макарову, от Макарова к Сталинским балтийцам, черноморцам и полярникам.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Использованные архивы

1. Центральный Государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ) — Ленинградские фонды: шканечные журналы; фонд адмирала Спиридова.
2. Архив древних актов. Москва.

II. Печатные источники и литература

Внешняя политика

Источники

Ф. Мартенс. Сборник трактатов и конвенций, т. XIII. СПб., 1902.
«Сборник Московского Главного архива Министерства иностранных дел», вып. 2. М., 1881.
«Сборник Русского исторического общества», т. XIX, СПб., 1876 (Дипломатическая переписка английских послов при русском дворе).
«Сборник Русского исторического общества», т. LXXXVII, СПб., 1893 (Дипломатическая переписка имп. Екатерины II за 1768—1769 гг., ч. V).
«Сборник Русского исторического общества», т. XCVII, СПб., 1896 (Дипломатическая переписка имп. Екатерины II за 1763—1771 гг., ч. VI).
«Сборник Русского исторического общества», т. CXVIII, СПб., 1904 (Дипломатическая переписка имп. Екатерины II за 1772—1773 гг., ч. VII).
Tott, baron de. Mémoires, t. III. Amsterdam 1784.

Литература

S. F. Bemis. Diplomatic history of the United States. New York, 1942.
L. Bonneville de Marsangy. Le chevalier de Vergennes, t. I—II. Paris, 1894.
Broglie. Le secret du roi, t. I—II. Paris, 1879.
H. Doniol. Politiques d'autrefois: le comte de Vergennes et P. M. Hennin 1749—1787. Paris, 1898.

G. Finlay. A history of Greece, v. V. Oxford, 1877.
G. Legras. La disgrâce de Choiseul. Paris, 1903.
G. Legras. Le duc et la duchesse de Choiseul. Paris, 1902.
L. Pingaud. Choiseul—Gouffier. Paris, 1887.
J. Stoker. William Pitt et la révolution française. Paris, 1935.
E. Williams. Tableau historique, politique et moderne de l'empire Ottoman, t. II. Paris, 1808.
J. W. Zinkeisen. Geschichte des Osmanischen Reiches, Th. V [1669—1774]. Gotha, 1857.

Военные действия

Источники

Архив кн. Воронцова, кн. XXXIV. М., 1888, стр. 287.
В память Чесменской победы 24—26 июня 1770 г. Сборник документов. Одесса, 1886.
Аббат Галиани [И. И. Шувалову]. Неаполь, 1 октября 1771 г. «Литературное наследство», т. 29—30. М., 1937, стр. 282—283.
С. К. Грейг. Собственноручный журнал капитан-командора С. К. Грейга в Чесменский поход. «Морской сборник», 1849, октябрь, стр. 645—660; ноябрь, стр. 715—730; декабрь, стр. 785—827; то же, отд. изд., СПб., 1850.
Действия корабля «Евстафий» в Хиосском проливе под командой капитана фон Круза. «Морской сборник», 1855, № 6, стр. 229.
Список подлинных приказов гр. А. Г. Орлова-Чесменского по флоту, действов. в 1770 г. в Архипелаге и истреб. турецкий флот при Хиосе и Чесме. «Морской сборник», 1853, № 4, стр. 263—269.
Документы о Чесменской битве. «Морской сборник», 1853, № 7, стр. 474—483.
Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова, в кн.: Сказания о роде князей Долгоруковых. СПб., 1842; то же (отрывок) — «Морской сборник», 1849, № 12, стр. 819—827; то же — «Русская старина», 1889, т. LXIII, сентябрь, стр. 481—517.
Донесение гр. А. Г. Орлова. «Морской сборник», 1849, № 12, стр. 818—823.
Материалы для истории русского флота, ч. XI, СПб., 1886; то же, ч. XII, СПб., 1888.
Морское сражение русского флота под начальством гр. А. Орлова с турецким в Хиосском проливе в 1770 г. 24 июня. «Морской сборник», 1855, № 6, стр. 325—329.
О сожжении турецкого флота при Чесме (из историографа Оттоманской империи Ахмеда Вассафа Эффенди), «Труды и летописи Общества истории и древностей российских», ч. VII, М., 1837, стр. 114—120.
Общий морской список, ч. II, СПб., 1885.

Н. И. Панин. Из бумаг графа Никиты Ивановича Панина. «Русский архив», кн. III, 1878, стр. 426—450.

Переписка императрицы Екатерины II с разными особами. СПб., 1807.

Рассказ Ресми-эфендия, оттоманского министра иностранных дел, о семилетней борьбе Турции с Россией. СПб., 1854.

Реляция о Чесменском сражении. «Отечественные записки», т. XXI, 1842, Смесь, стр. 69—74.

«Сборник русского исторического общества», т. I, СПб., 1867 (Рескрипты и письма имп. Екатерины II. Рескрипты и инструкции, имеющие отношение к Архипелагской экспедиции).

А. Соколов. Архипелагские кампании. «Записки Гидрографического департамента Морского министерства», ч. VII, СПб., 1849, стр. 230—401.

С. П. Хметевский. Журнал Степана Петрова сына Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов М. Азии в 1770—1774 гг. «Современник», т. XLIX, 1855, стр. 37—82.

Литература

В. Андреев. Чесменское сражение. «Морской сборник», 1939, № 2, стр. 97—111.

П. И. Белавенец. Материалы по истории русского флота. М.— Л., Военмориздат, 1940.

Ф. Веселаго. Краткая история русского флота. М.— Л., Военмориздат, 1939.

А. Я. Глотов. Чесменский бой. «Отечественные записки», 1820, № 5, стр. 33—71; № 6, стр. 184—216.

В. Ф. Головачев. Чесма. Экспедиция русского флота в Архипелаг и Чесменское сражение. М.— Л., Военмориздат, 1944.

К. Головизнин. Очерки из истории русского флота. Эскадра контр-адмирала А. С. Грейга. «Морской сборник», 1882, № 11, стр. 55—79; № 12, стр. 65—86.

Действия русского флота в Архипелаге во время войны с Турцией в 1770—1774 гг. Кронштадт, 1889.

Н. Д. Каллистов. Архипелажская экспедиция, в кн.: История русской армии и флота, т. VIII, М., б. г., стр. 65—70.

Ф. С. Криницын. Чесменская победа. М.— Л., Военмориздат, 1944.

А. Кротков. Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1893.

М. Лодыгин. Лейтенант Дмитрий Ильин, герой Чесменской битвы 1770 г. «Русская старина», 1892, т. LXXIII, февраль, стр. 469—476.

П. Милюков. Материалы для истории русского флота. Адмирал Александр Иванович фон Круз. «Морской сборник», т. XVI, 1855, № 6, стр. 227—271.

Н. Ю. Озаровский. Русский флот на Средиземном море. «Морской сборник», 1944, № 2, стр. 67—83.

А. Петров. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769—1774 гг., ч. II, СПб., 1866, стр. 381—385.

Победа при Чесме и истребление турецкого флота. «Записки ученого комитета Морского штаба», ч. II, 1828, стр. 174—198.

Н. Рыкачев. Краткое описание Чесменского сражения. Кронштадт, 1870.

М. Сенин и М. Рабинович. Чесменское сражение. В кн. Флот в боях за родину. Л., Военмориздат, 1938, стр. 113—124.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета АН СССР № 2434

Технический редактор *О. Залышкина*

Подписано к печати 10/X — 1945 г.
А-23869 Печ. л. 7 Уч.-изд. л. 6,5 Тир. 15 000
Заказ 553

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., 10

ЦНИХ в ру